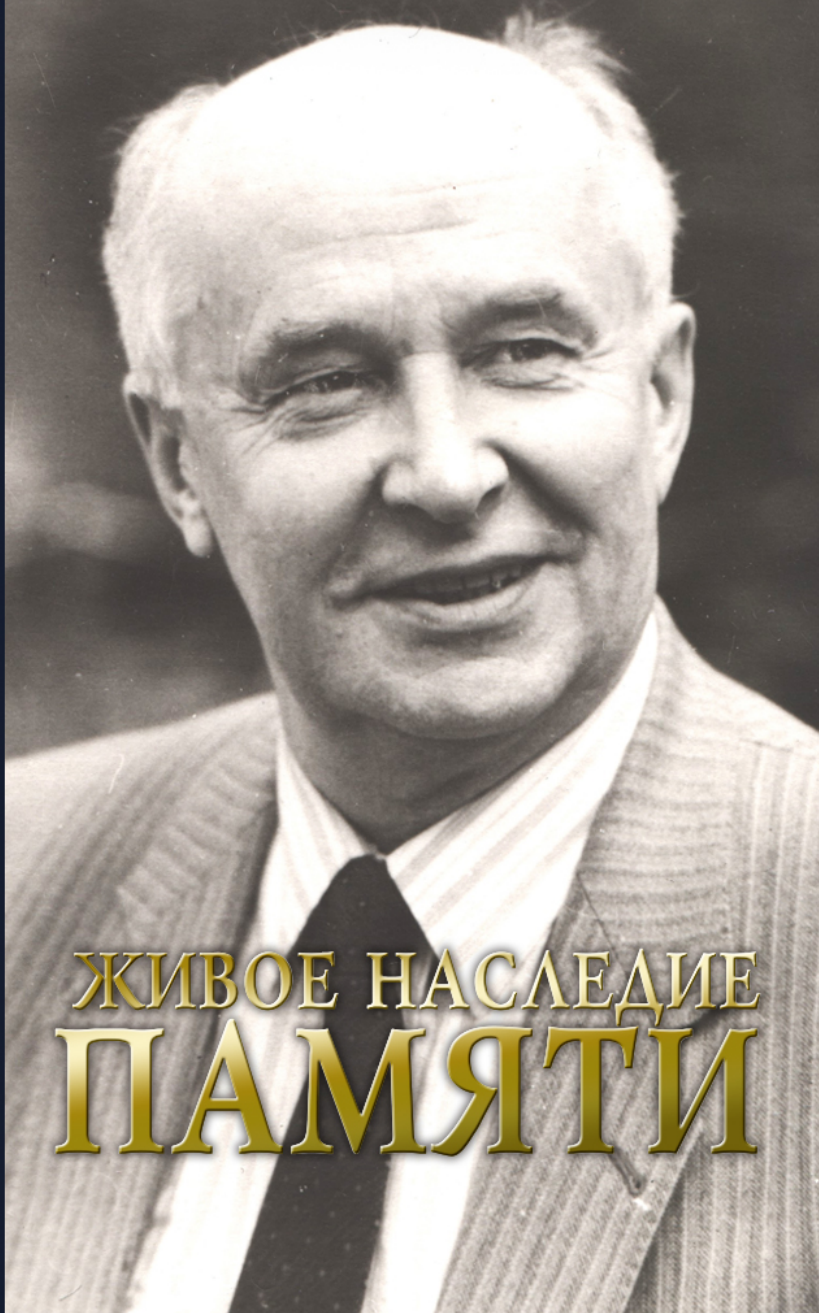

ИНСТИТУТ
НАСЛЕДИЯ

К 300-летию РАН
и 100-летию академика
Е. П. Чельшева

ЖИВОЕ НАСЛЕДИЕ
ПАМЯТИ

МОСКВА
2023

Министерство культуры Российской Федерации
Российский научно-исследовательский институт
культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва

ЖИВОЕ НАСЛЕДИЕ ПАМЯТИ:
к 300-летию РАН
и 100-летию академика Е. П. Чельшева

Москва
2023

УДК 930.85
ББК 63.3(2)
Ж67

*Издается по решению Ученого совета
Российского научно-исследовательского института
культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва*

Рецензенты:

- А. В. Окоороков*, доктор исторических наук, заместитель директора по научной работе Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва;
Ю. С. Путрик, доктор исторических наук, главный научный сотрудник — руководитель Центра социокультурных и туристских программ Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва.

Научный редактор и составитель:

Д. Я. Романова

Ж67 **Живое наследие памяти : к 300-летию РАН и 100-летию академика Е. П. Чельшева** : сборник научных статей по итогам круглого стола [Электронное сетевое издание] / Научный редактор и составитель Д. Я. Романова. — М. : Институт Наследия, 2023. — 132 с. — DOI 10.34685/НИ.2023.69.59.010. — ISBN 978-5-86443-426-0.

В сборнике представлены материалы круглого стола, посвященного научному наследию и истории рода академика Е. П. Чельшева, состоявшегося в октябре 2021 года в Российском научно-исследовательском институте культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва (Институте Наследия). Мероприятие продолжило цикл круглых столов, посвящённых выдающимся учёным и их семейным династиям. Оно проходило в рамках проекта «Живое наследие памяти», включенного в План основных мероприятий по подготовке и проведению празднования 300-летия Российской академии наук, утвержденный Правительством Российской Федерации.

В издание, посвящённое памятной дате в истории Российской академии наук и 100-летию юбилею со дня рождения академика Е. П. Чельшева, включены статьи, авторами которых являются члены РАН, представители МГУ имени М. В. Ломоносова, Института востоковедения РАН, Института славяноведения РАН, Московского государственного университета геодезии и картографии, Университета имени Джавахарлала Неру (Индия), Синодальной библиотеки РПЦ, Института Наследия. Особое место занимают воспоминания Д. Е. Чельшева — индолога, сына Евгения Петровича Чельшева. В статьях раскрывается многогранный образ нашего выдающегося современника, беззаветно посвятившего всю жизнь служению нашему Отечеству на ниве науки, культурного сближения народов и изучения культурного наследия России.

Книга адресована специалистам гуманитарных наук, широкому кругу читателей, интересующихся научным наследием как неотъемлемой частью нематериального культурного наследия.

УДК 930.85
ББК 63.3(2)

- © Коллектив авторов, 2023
© Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва, 2023

ISBN 978-5-86443-426-0

СОДЕРЖАНИЕ

Приветствие академика РАН (Тишков В. А.)	4
Введение (Романова Д. Я.)	6
<i>Чельшев Д. Е.</i> О моем отце.....	13
<i>Житенёв С. Ю.</i> Академик Е. П. Чельшев (1921–2020): востоковед и культуролог.....	54
<i>Козырев А. П.</i> Памяти академика Е. П. Чельшева.....	60
<i>Банерджи Р.</i> Евгений Петрович Чельшев: связующее звено между Россией и Индией.....	66
<i>Алпатов В. М.</i> О Евгении Петровиче Чельшове.....	76
<i>Романова Н. Г.</i> Евгений Петрович Чельшев: к 100-летию юбилею.....	80
<i>Закатов А. Н.</i> Дружба академика Е. П. Чельшева с императорской семьей.....	99
<i>Протоиерей Александр Троицкий</i> Академик Е. П. Чельшев и Андреевский монастырь.....	106
<i>Морозов Б. Н.</i> Мои встречи с академиком Е. П. Чельшевым.....	111
<i>Гуцалов А. А.</i> «Помогай всегда, не вреди никогда, люби всех, служи всем»: светлой памяти академика Евгения Петровича Чельшева.....	115
Сведения об авторах	130

**УВАЖАЕМЫЕ УЧАСТНИКИ КРУГЛОГО СТОЛА
«НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ АКАДЕМИКА Е. П. ЧЕЛЫШЕВА.
К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
ВЫДАЮЩЕГОСЯ УЧЁНОГО»!**

Приветствуем Вас от имени Отделения историко-филологических наук Российской академии наук.

На круглом столе, посвященном 100-летию со дня рождения Евгения Петровича Челышева, мы вспоминаем всемирно известного русского ученого, востоковеда, культуролога и литературоведа, академика Российской академии наук.

Евгений Петрович был одним из виднейших представителей отечественной индологической школы, крупным организатором российской гуманитарной науки, старейшим членом Российской академии наук, внесшим значительный вклад в развитие Отделения литературы и языка РАН: с 1988 по 2002 г. как академик-секретарь возглавлял работу Отделения. Многие крупные начинания отечественной академической филологии в эти годы связаны с его именем.

Блестящий знаток языка хинди, индийской литературы нового и новейшего времени, Евгений Петрович был крупным специалистом в области изучения взаимосвязей культур Востока, России и Запада. Круг его научных интересов охватывал многие области ориенталистики. В последние годы он подготовил ряд исследований по проблемам культурного наследия российской эмиграции. Особое место в его научном творчестве принадлежит пушкинской теме, осмыслению места пушкинского наследия в отечественной и мировой художественной культуре. Результат многогранной деятельности на ниве отечественной науки — 20 книг, и многие из этих работ известны не только специалистам, но и широкой читательской аудитории. Среди них «Современная индийская литература», «Индийская литература вчера и сегодня», «Сопричастность красоте и духу. Взаимодействие культур Востока и Запада». В качестве члена главной редакционной комиссии, возглавляемой Министром обороны Российской Федерации, Евгений Петрович внес значительный вклад в подготовку 12-томного фундаментального труда «Великая Отечественная

война 1941–1945 годов», имеющего высокую научную и общественную значимость.

Особое место в работе Евгения Петровича занимал Научный совет РАН по изучению и охране культурного и природного наследия. Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва МК РФ, с которым он тесно сотрудничал в этом направлении, взял на себя важную миссию по сохранению его научных трудов и достижений в рамках проекта «Живое наследие памяти».

Уверены, что Институт Наследия будет способствовать творческому развитию идей Евгения Петровича и их воплощению в жизнь в наше сложное время.

Академик-секретарь

Отделения историко-филологических наук РАН

академик РАН В. А. Тишков

ВВЕДЕНИЕ

Данное издание посвящено двум знаковым юбилейным датам — 300-летию Российской академии наук и 100-летию со дня рождения академика Е. П. Чельшева. В сборнике представлены материалы круглого стола, посвященного научному наследию и семейной истории академика Евгения Петровича Чельшева, состоявшегося в октябре 2021 года. Мероприятие продолжило цикл круглых столов, посвященных выдающимся ученым и их семейным династиям, в рамках проекта «Живое наследие памяти», включенного в План основных мероприятий по подготовке и проведению празднования 300-летия Российской академии наук, утвержденный Правительством Российской Федерации.

В день столетия со дня рождения академика Евгения Петровича Чельшева (27.10.1921–13.07.2020) — всемирно известного русского учёного, востоковеда, индолога, культуролога и филолога, в Институте Наследия собрались его коллеги, родственники и близкие друзья. В заседании, проходившем в очном- и онлайн-формате, приняли участие представители Российской академии наук, Института востоковедения РАН, Московского государственного института культуры, Института славяноведения РАН, МГУ имени М. В. Ломоносова, Института Наследия, научных университетов Индии (Университета имени Джавахарлала Неру, Чандigarхского университета, Университета английского и иностранных языков), представители Русской Православной Церкви. Они делились воспоминаниями о жизни, о совместной работе с Е. П. Чельшевым.

Во вступительном слове директор Института Наследия В. В. Аристархов напомнил об основных вехах жизни выдающегося учёного-энциклопедиста и его научных достижениях. Так, Евгений Петрович был создателем отечественной школы исследования современной восточной литературы и культуры, организатором науки и общественным деятелем, внесшим колоссальный вклад в развитие и укрепление культурных связей между Россией и Индией. Сфера его научных исследований была весьма широка,

труды академика Е. П. Челышева переведены на иностранные языки и изданы за рубежом. Жизнь ученого-воина, чье служение Отечеству осуществлялось на разных поприщах — значимый пример для учеников и потомков. Последние годы жизни Е. П. Челышев был главным научным сотрудником Центра фундаментальных исследований в сфере культуры Института Наследия.

Рис. 1. Вступительное слово директора Института Наследия В. В. Аристархова. Фото З. Мухина

От имени Отделения историко-филологических наук Российской академии наук свое приветствие к участникам круглого стола направил академик-секретарь Отделения, академик РАН Валерий Александрович Тишков:

«Евгений Петрович был одним из виднейших представителей отечественной индологической школы, крупным организатором российской гуманитарной науки, старейшим членом Российской академии наук, внесшим значительный вклад в развитие Отделения литературы и языка РАН: с 1988 по 2002 гг. как академик-секретарь возглавлял работу Отделения. Многие крупные начинания отечественной академической филологии в эти годы связаны с его именем.

Рис. 2. Выступление В. Л. Кляуса, начальника Отдела историко-филологических наук РАН – заместителя академика-секретаря Отделения историко-филологических наук РАН по научно-организационной работе. Фото З. Мухина

Рис. 3. Выступление советника директора Института Наследия С. Ю. Житенёва. Фото З. Мухина

Блестящий знаток языка хинди, индийской литературы нового и новейшего времени, Евгений Петрович был крупным специалистом в области изучения взаимосвязей культур Востока, России и Запада. <...>

Особое место в работе Евгения Петровича занимал Научный совет РАН по изучению и охране культурного и природного наследия. Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва МК РФ, с которым он тесно сотрудничал в этом направлении, взял на себя важную миссию по сохранению его научных трудов и достижений в рамках проекта «Живое наследие памяти». Уверены, что Институт Наследия будет способствовать творческому развитию идей Евгения Петровича и их воплощению в жизнь в наше сложное время».

С воспоминаниями об отце выступил журналист-международник, индолог, кандидат исторических наук Д. Е. Чельшев. Он рассказал об истории семьи Чельшевых, о ярких событиях, связанных с научной, общественной и просветительской деятельностью Евгения Петровича, о годах, проведенных в общении с отцом.

Рис. 4. Круглый стол «Научное наследие академика Е. П. Чельшева. К 100-летию со дня рождения выдающегося учёного». 27 октября 2021 г. Фото З. Мухина

Еще при жизни академика Чельшева, что хотелось бы подчеркнуть особо, Институт Наследия издал книгу «“Одиссея” академика Евгения Петровича Чельшева», в которой иллюстративно представлена долгая, насыщенная научными и творческими свершениями жизнь ученого¹.

Отдельное внимание в книге уделяется истокам, истории рода Чельшевых-Соколовых:

«Генеалогическое древо семьи академика Евгения Петровича Чельшева уходит своими корнями в крестьянскую толщу двух губерний европейской части России — Ярославской и Владимирской. Эта живительная и благодатная народная среда издавна, начиная еще с петровских времен, рождала талантливых военачальников и полководцев, удивляла мир гениальными учеными и естествоиспытателями, дарила России прославивших в веках свое Отечество государственных и общественных деятелей, производила на свет энергичных и предприимчивых деловых людей, купцов и заводчиков, честным и бескорыстным трудом которых прирастало и крепло российское государство.

Предки академика Чельшева с полным основанием вписываются в эту славную когорту целеустремленных, трудолюбивых и неординарных людей, только лишь благодаря собственной смекалке, природному уму, усердию и настойчивости пробивших себе дорогу в жизни и достигших успеха и общественного признания.

Оба деда Евгения Петровича — и по отцовской и по материнской линии — родились в многодетных крестьянских семьях в российской глубинке, оба, без всякой протекции и поддержки, перебрались в Москву, преуспели в бизнесе и коммерции и снискали высокое уважение москвичей...»²

Обращаясь к такой уникальной личности, как академик Е. П. Чельшев, мы можем говорить о том, что не только научные труды, но и личные качества, ценности и принципы ученых, отображенные в их многогранной созидательной деятельности, представляют собой особый пласт нематериального культурного наследия. Среди качеств, унаследованных Е. П. Чельшевым от

---

¹ «Одиссея» академика Евгения Петровича Чельшева / Составители Д. Е. и А. Д. Чельшевы. — М. : Институт Наследия, 2020. — 112 с. : ил. — DOI 10.34685/НИ.2020.49.12.002. ISBN 978-5-86443-322-5.

² Там же. С. 13.

Рис. 5. *Круглый стол «Научное наследие академика Е. П. Чельшева. К 100-летию со дня рождения выдающегося учёного». 27 октября 2021 г. Фото З. Мухина*

предков-крестьян и переданных потомкам — трудолюбие и целеустремленность, стремление к реализации разносторонних дарований.

В издание включены статьи, авторами которых являются члены Российской академии наук, представители МГУ имени М. В. Ломоносова, Института востоковедения РАН, Института славяноведения РАН, Московского государственного университета геодезии и картографии, Университета имени Джавахарлала Неру (Индия), Синодальной библиотеки РПЦ, Института Наследия. Особое место занимают воспоминания Д. Е. Чельшева — сына Евгения Петровича Чельшева, чей жизненный путь также оказался неразрывно связанным с Индией.

Составитель и авторы издания надеются, что книга привлечет внимание не только научного сообщества, но и молодых исследователей, начинающих свой путь в науке, а также всех, кто интересуется многогранным наследием ярких представителей профессиональных династий, их вкладом в образовательный процесс и в развитие гуманитарных наук.

Рис. 6–7. Круглый стол «Научное наследие академика Е. П. Челышева. К 100-летию со дня рождения выдающегося учёного». 27 октября 2021 г. Фото З. Мухина

О МОЕМ ОТЦЕ

Отцу было даровано прожить очень долгую жизнь. Кто-то скажет, что на то была воля Господа, а иные, возможно, посчитают, что так сложилась судьба. Но суть не в этом. Главное, что он сам, без какой-либо посторонней помощи и поддержки, сумел сделать ее необыкновенно яркой, насыщенной, колоритной и интересной. Как знать, возможно в этом сказалась некая генетическая predisposition. Ведь его дед по отцовской линии — Семен Глебович Челышев, родившись в крестьянской многодетной семье, сумел пробиться в московские купцы второй гильдии и получить титул почетного потомственного гражданина, а дед по материнской — Михаил Арсеньевич Соколов, тоже выходец из крестьянской среды Ярославской губернии, из мальчишка на побегушках в конторе московского купца Павла Ютанова, благодаря своему усердию, честности и прилежанию стал полноценным компаньоном известного коммерсанта. Евгений Петрович достойно продолжил эту семейную традицию: он самостоятельно, без какой-либо протекции, проторил свой жизненный путь и прошел его самым блистательным образом.

Его мать, Клавдия Михайловна (урожденная Соколова), после смерти мужа Петра Семеновича Челышева в 1924 году, в эти тяжелейшие для нашей страны годы осталась с четырьмя детьми от первого брака ее супруга — Константином, Александром, Клавдией и Надеждой, и своим сыном Женей, которому не исполнилось тогда и трех лет. Причем старший, Константин, был всего на пять лет моложе Клавдии Михайловны. Невозможно представить, ценой каких невероятных усилий и самопожертвования эта мужественная и волевая женщина достойно справилась с этой немислимой задачей — всех сумела прокормить, вырастить и поставить на ноги.

О своих детских и юношеских годах отец всегда вспоминал с удовольствием и мечтательной ностальгией. Не помню, чтобы он когда-либо говорил о лишениях и невзгодах. Да он, судя по всему, их особо не испытывал. Его мать отказалась от всего, в том числе

и от своей личной жизни, ради своих детей, и прежде всего Жени. Это вполне естественно: он был самым маленьким и, к тому же, ее единственным родным сыном. Она привила ему любовь к чтению, заинтересованному и уважительному отношению к историческому прошлому нашей страны и ее культуре, обучила навыкам владения иностранными языками, прежде всего немецким, которые впоследствии ему оченьгодились, — одним словом заложила тот интеллектуальный, нравственный и духовный фундамент, на котором он затем выстроил свою жизнь.

Вполне возможно — кто знает? — она предопределила еще очень многое в его дальнейшей судьбе. Когда грянула Великая Отечественная война и его как выпускника летной школы направили в действующую армию, она истово молилась за него. Насколько я могу судить, — а практически все мое детство и юношеские годы прошли в самом тесном общении с моей бабушкой, — она не была человеком воцерковленным. Я не могу припомнить, чтобы она хоть когда-нибудь ходила в церковь, никогда не слышал, как она

Рис. 1. Евгений Чельшев на трофейном мотоцикле, 1944 г.
Из семейного архива Д. Е. Чельшева

Рис. 2. Евгений Чельшев, 1943.
Из семейного архива Д. Е. Чельшева

*Рис. 3. Со старшим сыном Владимиром. Москва, 1951 г.
Из семейного архива Д. Е. Чельшева*

молится и даже не видел, как она крестится. Помимо фамильной иконы Казанской Божией Матери, которой ее благословляли при вступлении в брак, и которая потом исчезла из нашего дома стараниями моего старшего брата, у нее была лишь маленькая картонная иконка Николая Чудотворца. Мы с ней купили ее в Троице-Сергиевой лавре, когда мне было лет тринадцать-четырнадцать. Все лето мы жили в маленьком садовом домике неподалеку от Сергиева Посада, или Загорска, как он тогда назывался, и я отчетливо помню, как мы пешком ходили туда. Этого святого бабушка почитала превыше всего. Именно ему она истово молилась в годы войны, и как она свято верила, «отмолила» своему сыну жизнь в чудовищной мясорубке войны.

Сначала, как вспоминал отец, ему, как выпускнику летной школы, не досталось самолета — боевых машин прислали в полк меньше, чем было курсантов. Можно, конечно, предположить, что самолеты, скорее всего, распределяли по списку, составленному

в алфавитном порядке. Поэтому, курсант, чья фамилия начиналась с одной из последних букв в русском алфавите, остался «безлошадником», как шутили его товарищи. К великому сожалению, все они до единого погибли в первых же воздушных сражениях или сгорели на земле, так и не успев подняться в воздух. Наша авиационная техника была в те годы еще очень несовершенной и по всем параметрам уступала немецкой «Люфтваффе».

Но затем последовала еще одна «случайность» — молодого бойца, явно выделявшегося среди своих сверстников острым и пытливым умом, смекалкой, энергичностью и усердием, да еще к тому же неплохими знаниями немецкого языка, заметило вышестоящее начальство, и Евгений был затребован для работы при штабе армии. Конечно же, это не означало получения некоей индальгенции — его начальству и ему в том числе пришлось сполна хлебнуть военного лиха: здесь были и бомбежки, и артолеты, и танковые атаки противника, под которые нередко попадали штабные автомобили. Было и множество допросов немецких военнопленных, когда молодой офицер существенно помогал в получении ценной военной информации. Это была трудная и смертельно опасная военная служба. Но самое главное — молодой боец

Рис. 4. Супруги Евгений Петрович и Елена Владимировна Чельшевы.
Из семейного архива Д. Е. Чельшева

*Рис. 5. Супруги Чельшевы на отдыхе в Подмоскowie. 1952 г.
Из семейного архива Д. Е. Чельшева*

Евгений остался живым и даже был награжден двумя орденами Красной Звезды и медалью «За боевые заслуги». Моя бабушка была уверена, что это случилось благодаря ее истовым и неустанным молитвам и просьбам за сына в годы войны. Возьмется ли кто-либо оспорить это?

Ему было суждено встретить на своем жизненном пути еще одного беззаветно любящего человека, его второго «ангела-хранителя». Не что иное, как любовь, как писал в одном из своих писем Альберт Эйнштейн, является главной движущей силой во вселенной, именно она предопределяет все происходящее, что мы по своему невежеству почитаем за случайности. Дальнейшая судьба Евгения Петровича тому самый наглядный пример.

Со своей будущей супругой — Еленой Владимировной Татаржицкой — отец познакомился еще в годы войны, когда по делам службы приезжал в краткосрочную командировку в Москву. Молодые люди, судя по всему, сразу приглянулись друг другу и так завязался трогательный роман. Сохранившиеся письма, которые молодой офицер писал с фронта и получал от своей любимой, говорят о вспыхнувшем сильном чувстве лучше любых слов. При этом отец решительно не обращал внимания на то, что его невеста

была заклеяна страшным и позорным титулом — «член семьи изменника родины», ЧСИР, как тогда говорили в народе. Ее отец, урожденный поляк, работавший в Смоленске электриком на хлебозаводе, человек далекий от политики, был осужден в 1937 году по ложному доносу по печально известной 58-й статье и без суда и следствия практически сразу же расстрелян.

Мать вспоминала, как на следующий день после ареста она пошла в местную тюрьму, чтобы передать отцу необходимые вещи, которые он не успел взять при внезапном ночном аресте. Дежурный перелистал список заключенных и безразлично произнес: «Такой не значится. Следующий!» Вот и все. Она так никогда и не узнала, в чем обвиняли ее отца и где его могила.

Страшная реальность и страшная судьба, которая постигла в те годы многих ни в чем неповинных людей. Но почему я об этом пишу? А потому, что еще в те годы, что впоследствии неоднократно повторялось, отец в характерной для него независимой гражданской позиции, где-то даже я бы сказал бесшабашной смелости и «умения держать удар», как он любил говорить, то есть стойко переносить все тяготы и невзгоды, клевету, сплетни и наветы, в том числе и реальные угрозы, впервые тогда перешел, как сейчас принято говорить, запретную «красную линию». Связать свою жизнь с дочерью «врага народа», как он сделал это официально в 1944 году, было не просто рискованно, а смертельно опасно. Тем более что и он сам балансировал на тонкой грани — ведь его предками были купцы и зажиточные мещане, то есть чуждые в классовом отношении элементы. Поэтому в многочисленных анкетах в графе «социальное происхождение» ему не раз приходилось прибегать к эзопову языку и придумывать всякие обтекаемые формулировки.

Убежден, что моя мать сыграла очень большую, можно сказать, системообразующую роль в жизни Евгения Петровича. Как я уже потом стал понимать, она нередко оберегала его от опрометчивых поступков и решений, со свойственной ей мудростью и тактом ненавязчиво подсказывала правильное решение, причем так завуалированно и тонко, что Евгений Петрович зачастую считал, что это решение он принял сам. В период своего научного и творческого становления он был полностью огражден от каких-бы то ни было бытовых проблем и забот. Его исследовательская работа усилиями его супруги и матери была возведена в некий

сакральный статус. Я хорошо помню, как мне, еще совсем маленькому ребенку, строго-настрого не разрешалось трогать хоть какую-нибудь бумажку в творческой «мастерской» отца. А он всегда, когда работал, раскладывал конспекты, вырезки из публикаций, свои записи, выписки из разных книг везде — на столе, под столом и просто по всей комнате на полу. В те годы не было компьютеров. Так и работал, что называется «по старинке», вплоть до самых последних лет творческой жизни.

Для научных изысканий Евгения Петровича были созданы самые что ни на есть благоприятные и комфортные условия. Поэтому, — быть может, кому-либо мои слова покажутся крамольными — в его становлении как признанного ученого, чьи труды известны не только в нашей стране, но также далеко за ее пределами, в его блестящей академической карьере есть немалый вклад двух беззаветно преданных ему и любящих женщин.

А сделал в научном плане за свою долгую жизнь Евгений Петрович неимоверно много. Я не буду подробно останавливаться на этом, тем более что профессиональные оценки его вклада в академическую науку уже неоднократно давались его коллегами и учениками, и я уверен, что его труды еще долго будут служить фундаментальной основой для будущих ученых, занимающихся индийской филологией. Да это, в общем-то, и не в моей компетенции: наши научные интересы, даже в те непродолжительные периоды, когда я в молодости занимался научной деятельностью, лежали в различных плоскостях. Предметом моего диссертационного исследования была социально-политическая проблематика. Позже я переработал диссертацию и в издательстве «Наука» вышла книга — пока единственная в нашей стране публикация об известном индийском политике и общественном деятеле Джаяпракаше Нараяне. В 1990-е, когда фактически развалилось Агентство печати «Новости», в котором я проработал много лет, увлекся философией адвайта-веданты, перевел на русский язык многие произведения Свами Вивекананды и его последователей из Монашеского Ордена Рамакришны. Поэтому можно сказать, что при всем несовпадении наших научных интересов в них было единственное, очень важное, связующее звено — Индия. Ей отец всецело посвятил лучшие годы своей творческой карьеры, а также, — что особенно ценно, внес неоценимый вклад в налаживание советско-российских контактов с этой страной в сфере науки

и культуры, в развитие и упрочение подлинно дружественных и имеющих глубокие исторические корни связей.

В этих вопросах мы всегда находили с отцом общий язык, тем более что и я сам проработал в Индии почти 18 лет — сначала журналистом в Бюро АПН в Бомбее, ответственного за издание журнала «Совет Лэнд», затем директором Российского центра науки и культуры в том же Бомбее и, наконец, советником по вопросам культуры в Посольстве России в Нью-Дели. Отец живо интересовался политическими процессами, происходившими в этой стране, о которых я был в состоянии рассказать ему много нового и очень для него интересного. Такая у меня была работа. Он, в свою очередь, рассказывал о своих встречах и творческом взаимодействии со многими видными индийскими писателями, поэтами, учеными и общественными деятелями, с которыми мне также доводилось контактировать. Но самое главное не в этом. Уже в зрелом возрасте, — детские годы не в счет, — я отчетливо понял, сколь глубока и проникновенна была духовная и ментальная связь моего отца с Индией. Он, в буквальном смысле, жил этой страной, очень тонко и задушевно ощущал чувства и эмоции не только представителей творческой интеллигенции, но и простых людей, с которыми ему довольно часто приходилось общаться. Хорошо знаю, как Индия платила ему взаимностью.

Всего лишь несколько эпизодов... Отец очень часто выезжал в командировки в Индию. Я помню это еще с самого раннего детства. Несмотря на скудные суточные, которые он получал как научный работник от Академии наук, он всегда умудрялся что-то из них выкроить и привезти нам с братом какие-то скромные подарки — футболки, которые в те годы в нашей стране не выпускались, джинсы, — пусть не американские, а индийские, фирмы «Мильтонс», убогую индийскую жевательную резинку Chicklets, которая застревала в зубах, и прочую пустяковину. Но мы этому очень радовались. Отец любил обставлять процесс дарения подарков театрально. Доставался большой потрепанный чемодан, он садился на диван и торжественным голосом произносил: «Ну, а сейчас», — и далее открывался чудесный ларец, как нам тогда казалось. Но однажды случилось некоторое отступление от заведенного сценария. Моя мать посмотрела в открытый чемодан и спросила с удивлением: «Женя, а это что такое?» В «подароч-

ном» чемодане лежал носовой платок, явно не первой свежести. «А ты представь себе, Леленька, — сказал отец, — я как-то выступал в каком-то небольшом городке во время командировки и потом ко мне подошел простой индиец — явно не писатель, не поэт и не общественный деятель. Он сказал, что так глубоко тронут моими словами, что хочет обязательно мне что-нибудь подарить на память. «Но я ничего с собой не прихватил, вот разве что носовой платок, который я прошу принять в знак моей искренней благодарности за добрые чувства к моему народу», — сказал он. Тогда я не понял смысла происходящего, но сейчас ясно осознаю, сколь дорого стоит такой подарок. Возможно, дороже многих государственных наград.

Вспоминается еще один эпизод. Во время первой командировки в Бомбей по линии АПН мне нередко приходилось выезжать в командировки в небольшие города Бомбейского консульского округа, чтобы проводить так называемые «читательские конференции». С высоты сегодняшнего положения некоторые, возможно, назовут это профанацией и начетничеством. Но это не совсем так — наш журнал «Совет Лэнд» в Индии действительно читали, в чем я имел возможность не раз убедиться лично. Хотя, что тут греха таить, порой приходилось покупать завернутые в страницы старых журналов фрукты и овощи — благо бумага была хорошая, финская. Ну так вот, приехав однажды в какой-то небольшой городок, к сожалению, не помню в какой именно, — но это, впрочем, не столь важно, — я просто обомлел и поначалу не мог понять, что происходит: на городской площади меня встречали массы собравшихся людей, виднелся «пандал» или деревянная сцена, на которой в Индии обычно проводятся торжественные мероприятия, к моему автомобилю по выложенной красной ковровой дорожке направлялись люди с сандаловыми и цветочными гирляндами в руках — так в Индии принято встречать особо уважаемых и почетных гостей. «Добро пожаловать, уважаемый профессор Чельшев, — приветствовали они. — Для нас большая честь принимать столь высокого гостя в нашем городе». Затем наступила некоторая заминка: встречающие, скорее всего, поняли, что приехавший к ним молодой человек, — а мне в ту пору было 28 лет, — никак не тянет на «уважаемого профессора». «А вы действительно и есть профессор Чельшев? — робко спросил меня один из встречающих. «Да, я, конечно же, Чельшев, но явно не

тот, кого вы ждали, скорее всего, вы рассчитывали увидеть моего отца». Со свойственным им тактом индийцы быстро уладили эту ситуацию, я выступил перед собравшимися и случившийся казус сам собой как-то разрешился. О чем это говорит? Фамилия «Чельшев» была на слуху не только в среде интеллектуальной элиты в больших мегаполисах, но даже, что называется, в самых широких слоях индийской общественности, и даже в глубинке. В этом — я не беру в расчет эту курьезную ситуацию, — я имел возможность убеждаться неоднократно во время многих лет работы в Индии.

Всплывают в памяти некоторые другие эпизоды. В 1980-х, помоему, это было в конце 1982 года, когда мы с супругой и маленьким сыном Андреем жили в Бомбее, где я работал в Бюро АПН, отец приехал к нам. Он тогда был в очередной командировке в Индии и выкроил время, чтобы навестить своих близких.

Цель его командировки была весьма необычна: он взялся оценить и сравнить эффективность нашей и западной работы в сфере информационно-просветительской и культурной деятельности в Индии. Такое неслыханное по тем временам предприятие он, конечно же, не смог бы осилить в одиночку. У него было много соратников и единомышленников во многих властных и научных структурах — ЦК КПСС, Комитете госбезопасности, Академии наук СССР и Институте востоковедения. Понятно, что его намерение было встречено «в штыки» руководителями наших практических организаций в Индии — Союза Советских обществ дружбы, Агентства печати «Новости», а также многих других подразделений, которые в те годы работали в этой стране — «Межкниги», «Совэкспортфильма» и других. Не буду упоминать фамилии руководителей этих подразделений, хотя я хорошо их знаю. Шутка ли сказать — ведь они в своих репортажах в Москву не уставали писать о том, что наша внешнеполитическая «пропаганда» во многом превосходит западную и жители Индии все больше и больше проникаются идеалами советского образа жизни и верят в его преимущества. Конечно же, это было не так. Несмотря на немалые затраты, — одна бумага для издания журнала «Совет Лэнд» чего стоила, — никто не хотел признать очень низкую эффективность нашей работы. В своей аналитической записке отец все это наглядно изложил, но только нажил себе немало врагов, а «воз», как говорится, все равно остался на прежнем месте. Не-

мало и я потом писал в различные инстанции по этому вопросу, но все равно ничего изменить не удалось.

Но это, как говорится, «из другой оперы». В остальном же это было замечательное время — впервые мы встретились с ним на земле, которую отец считал своей второй родиной. Да, собственно говоря, и для нас она с годами стала вторым домом. Приехал он к нам осенью, когда в Индии традиционно празднуется дивали — праздник огней и света, символизирующий победу добра над злом. По этому поводу мы все вчетвером поднялись на плоскую крышу нашего бомбейского информационного центра на Булабхаи Десаи роуд, который на карте обозначался под очень интересным названием — 51-L Paradise, что в переводе на русский означает «рай», и присоединились к празднующим и ликующим местным жителям — стали зажигать бенгальские огни, поджигать петарды с фонтаном искрящихся огней и запускать «ракеты», которые взлетая вверх, оставляя за собой огненный шлейф, потом с громким хлопком взрывались в воздухе. Больше всех, конечно, радовался наш сын, которому в ту пору было шесть лет. Но и отец с подлинно юношеским задором и весельем принимал самое деятельное участие в этом мероприятии. Одна из наших ракет, правда, угодила в балкон соседнего высотного дома, но это обстоятельство несколько не омрачило нашего веселья, тем более что пожара, слава Богу, не случилось. Убедившись в этом, мы спустились вниз.

На следующий день мы поехали все вместе на овощной рынок в северный район Бомбея — Дадар. Хотя все необходимое можно было купить в шаговой доступности от нашей резиденции, мы очень любили ездить именно туда. Понять, что собой представляет индийский овощной рынок, может лишь тот, кто хотя бы раз на нем побывал. Никакого специального помещения для продажи овощей и фруктов нет — вся продукция разложена просто на тряпках или циновках на асфальте. Сотни и сотни людей плотной толпой движутся от одного продавца к другому, при этом, разумеется, толкая и задевая друг друга, но заметьте — никогда не возникает никакой агрессии или ссор. Все это воспринимается как само собой разумеющееся и привычное. Мы с супругой отвлеклись на какую-то очередную покупку, — а маленького сына нужно было еще при этом крепко держать за руку, чтобы он не дай Бог не затерялся в толпе, — и вдруг заметили, что потерялся Евгений Петро-

вич. Оставив сына супруге, я пошел его разыскивать, продираясь сквозь толпу. Наконец я его увидел — он стоял в людском водовороте, со всех сторон сновали люди с сумками и корзинами, толкая его и незлобно ругаясь, но он блаженно и радостно улыбался и завидя меня произнес: «Слушай, как же здесь хорошо!» Я просто-таки опешил поначалу, хорошего, мягко говоря, было не так уж много. Потом я понял: в таком окружении испытывать приятные эмоции и так искренне радоваться мог только человек, глубоко любящий эту страну, для которого она была не просто объектом сухих научных изысканий, а очень близкой по духу и дорогой для сердца средой. Он тонко чувствовал окружающее и ощущал его, как говорится, всеми фибрами своей души.

Второй раз нам довелось принимать отца в Индии в конце 1990-х годов, когда мы с супругой опять жили и работали в Бомбее. Тогда я занимал должность директора Российского центра науки и культуры в этом городе. Отец приехал, как всегда очень бодрый, энергичный, полный новых творческих планов и инициатив. Несмотря на то что командировка была очень краткой, мы много ездили по городу, Евгений Петрович вспоминал места, которые ему доводилось посещать еще в те годы, когда я, что называется, «пешком под стол ходил». И вот однажды он сказал: «Слушай, мне очень хотелось бы купить записи песен из кинофильмов 1950-х годов с участием Радж Капура и Наргис». Я, так же, как и он, очень хорошо помнил эти мелодии из разных кинофильмов — «Бродяга», «Господин 420», «Барсаат» и многих других. Конечно же, сам Радж Капур и Наргис ничего не пели: за них эти мелодии исполняли замечательные вокалисты — Лата Мангешкар, «золотой соловей Индии», как ее называли, Кишор Кумар и Мукеш. Возвращаясь из командировок в Индию, отец часто привозил графитовые грампластинки фирмы His Master's Voice, на этикетке которых была изображена собака, слушающая звуки музыки, доносящиеся из граммофонной трубы. «Ну что ж, — сказал я, — давай попробуем», и мы поехали в один из центральных бомбейских магазинов под названием Rhythm House.

Магазин был очень большой, и мы долго ходили вдоль рядов полок в поисках того, что нам хотелось бы купить. Но ничего не попадалось — в основном были записи модной в те времена музыки стиля диско и какая-то похожая дребедень. Тогда мы подзвали продавца — молодого человека лет двадцати, и спросили, где

можно найти желаемое. Сначала я, а потом отец постарались ему объяснить, что нам нужно. Наш собеседник явно не понимал, о чем мы его просим, и на его лице отображалась вежливо-отсутствующая улыбка — дескать «вот еще приперлись иностранцы и сами не знают, чего хотят». «Ну ладно, — сказал отец, — сейчас я вам напомню эти мелодии». И стал напевать с детства мне знакомые песни на хинди. Очень вскоре нас окружила группа индийцев, которые так же, как и мы, пришли в этот магазин. Исполнение явно нравилось: многие характерно для индийцев покачивали головами, что в этой стране идентично знаку согласия или одобрения, — а у нас считается, наоборот, отрицанием услышанного — некоторые сопровождали пение характерными восторженными междометиями, которые часто можно услышать на любых концертах индийской классической музыки. Наконец, кто-то из аудитории сказал: «Пойдемте, я покажу, где находятся записи, которые вам нужны. Молодой продавец просто не знает, ведь он еще не родился в те годы, когда с экрана звучали эти песни». Вот так благополучно закончился наш «шопинг». Отец был очень рад

Рис. 6. Вокальное творчество всегда было «любимым коньком» Евгения Петровича. На подпевке — солисты группы Рума Гуха Тхакурты. Калькутта, 1963 г. Из семейного архива Д. Е. Чельшева

покупке и очередному живому общению с индийцами. «Ну как, хорошо я им спел? — спросил он, когда мы возвращались в наш культурный центр по легендарной «Марин драйв», «золотому ожерелью» Бомбея, как ее образно называют. Он явно был доволен и продолжал напевать знакомые с детства мелодии.

Каким образом у отца сформировалась эта проникновенная любовь к Индии, возникли особая духовная близость и родство, которые крепкими узами связывали его с этой страной, появилась увлеченность, и даже, я бы сказал, одержимость, с которыми он занимался ее изучением и познанием? Я не спрашивал его об этом. Да, я думаю, что он, наверное, не смог бы ответить. Пути Господни, как говорится, неисповедимы.

1960–80-е годы были, безусловно, лучшими и наиболее плодотворными годами в его творческой карьере и кипучей общественной деятельности. В своем неудержимом стремлении во что бы то ни стало приоткрыть новые пути нашего взаимодействия с этой дружественной страной, освоить новые направления сотрудничества, он нередко здорово рисковал и часто заступал за так называемые «красные линии», как сейчас принято говорить. А демаркация этих границ в те годы определялась превалирующими идеологическими клише, господствующими в политике и науке марксистско-ленинскими догмами и доминирующей косностью мышления, не допускающего выходы за пределы одобренного и дозволенного партийным аппаратом. Нелишне будет упомянуть в данном контексте воинствующий атеизм, определяющий мировоззрение не только подавляющего большинства научных работников, но и значительной части общественности нашей страны.

На этом фоне, во второй половине 1950-х годов прошлого века только-только стал приподниматься «железный занавес», отделявший в течение многих десятилетий нашу страну от остального мира, Евгений Петрович во время одной из первых своих командировок в Индию знакомится с одним из ведущих монахов Ордена Рамакришны Свами Ранганатханандой, блестящим оратором и философом с мировым именем, талантливым организатором и человеком высочайшей духовности.

Следует, наверное, хоть очень кратко сказать об этой религиозно-благотворительной организации, основанной в 1897 году Свами Вивеканандой, выдающимся индийским философом и про-

Рис. 7. Встреча с секретарем делийского отделения Миссии Рамакришны Свами Гокуланандой. Нью-Дели, 1996 г. Из семейного архива Д. Е. Чельшева

светителем, ближайшим учеником и последователем известного индийского религиозного мистика Рамакришны Парамахансы.

Анализ религиозно-философских аспектов адвайта-веданты в интерпретации Вивекананды, на которых зиждется этот монашеский Орден, выходит далеко за пределы нашего повествования. Тем более что отец никогда углубленно не занимался этой проблематикой. По всей вероятности, ему импонировали гуманитарная, общечеловеческая составляющая его практической деятельности, осуществляемая в миру второй составной частью этой организации — Миссией Рамакришны.

Ключевым аспектом светской работы этой структуры является активная и разносторонняя благотворительная деятельность, благодаря которой она снискала большую популярность и уважение среди широких слоев индийского общества — бедноты и малоимущих, а также представителей интеллигенции, бизнес-элиты и государственного истеблишмента. Традиционно большое внимание в ее деятельности уделяется работе в сфере здравоохранения. Финансовое обеспечение большинства проектов формируется в основном за счет пожертвований, поступающих как от

частных лиц, так и от многих общественных организаций и деловых кругов. В 1933 году под ее эгидой открылся первый в стране туберкулезный диспансер для беднейших слоев населения Дели. По сложившейся традиции особый акцент в деятельности Миссии Рамакришны делается на работе с молодежью, в основу которой положена задача формирования гармонично развитой личности на основе методов обучения, разработанных Свами Вивеканандой. Значительное внимание уделяется духовно-просветительской деятельности, которая в целом носит ненавязчивый характер и в этом разительно отличается от назойливых прозелитистских методов работы многих современных неоиндуистских культов и объединений.

Возвращаясь к первой встрече отца со Свами Ранганатханандой в 1956 году, хотелось бы обратить внимание на один очень важный момент. Это, казалось бы, мимолетное знакомство и общение положило начало долгому и плодотворному сотрудничеству советских и российских востоковедов с этой авторитетной индийской организацией. В этом заключался уникальный стиль научной и общественной работы Евгения Петровича — в бесконечной череде встреч и общений на индийской земле он всегда умел безошибочно выделить ключевых персонажей, наиболее перспективных с точки зрения развития дальнейших двусторонних связей. Это, безусловно, особый талант.

Так случилось и на этот раз — уже спустя пять лет, в августе 1961 года Свами Ранганатхананда посетил нашу страну в ходе своего лекционного турне по миру по приглашению Института востоковедения. Инициатором этого визита стал Евгений Петрович. Вполне можно предположить, каких титанических усилий стоило ему убедить руководство этого учреждения, и, конечно же, иные влиятельные инстанции, в необходимости расширения диапазона диалога с дружественной нам страной за счет включения в него религиозных деятелей. На этом диалог с ним не прервался. Мы с супругой хорошо помним его второй визит в нашу страну во второй половине 1970-х годов. Он блистательно выступал с лекцией в Институте востоковедения, а затем побывал у нас дома, где мы имели возможность общаться с ним в тесном семейном кругу.

Подлинного расцвета российско-индийские научные связи с этой религиозно-благотворительной структурой, пользующейся в Индии заслуженным уважением и авторитетом, достигли

в 80-х годах прошлого столетия, когда Институт культуры Ордена в Калькутте возглавлял Свами Локешварананда. Под его руководством Институт приобрел подлинно международный академический статус и превратился в площадку для творческого и свободного диалога ученых и специалистов из различных стран мира по самому широкому спектру вопросов, подчас довольно острых и дискуссионных.

В эти годы Свами Локешварананда, блестящий оратор и популяризатор идей, положенных в основу деятельности монашеского Ордена, четырежды побывал в нашей стране по приглашению Академии наук. Инициатором всех этих визитов выступал Евгений Петрович, который настойчиво «пробивал» эти визиты, справедливо усматривая в них громадный потенциал для расширения российско-индийского духовного взаимодействия и гуманитарного сотрудничества.

Благодаря близким и доверительным контактам с иерархами Русской Православной Церкви отец сумел обеспечить участие

Рис. 8. Евгений Петрович ведет заседание, посвященное учреждению в Москве Общества Рамакришны – Центра Веданты. Слева от него – директор Института культуры Миссии Рамакришны в Калькутте Свами Локешварананда, за ним – первый и бессменный руководитель этого общества Свами Джоитирупананда и директор Института востоковедения РАН Ростислав Рыбаков. Москва, 1995 г. Из семейного архива Д. Е. Чельшева

Рис. 9. Подписание соглашения о культурном сотрудничестве. В церемонии принимают участие Президент Общества Индийско-советской дружбы К. П. Ш. Менон и Председатель Всемирного совета мира Ромеш Чандра. Индия, 1968 г. Из семейного архива Д. Е. Челышева

Рис. 10. Памятная встреча в Доме дружбы в Москве. Евгений Петрович вместе с сыном Дмитрием общается с К. П. Ш. Меноном и президентом Общества советско-индийской дружбы Н. В. Голдиным. Из семейного архива Д. Е. Челышева

Рис. 11. Евгений Петрович общается с Президентом Индии Рамасвами Венкатараманом. Нью-Дели, 1985 г. Из семейного архива Д. Е. Челышева

Свами Локешварананды в торжественных мероприятиях празднования 1000-летия христианства на Руси в качестве почетного гостя. Индийский религиозный деятель впервые вместе с нашим духовенством и представителями других конфессий нашей поликонфессиональной страны занял место в почетном президиуме торжественного собрания, посвященного этому юбилею в Большом театре. Но отец пошел еще дальше в своем стремлении расширить междивизиональный диалог: после завершения торжеств в Агентстве печати «Новости» по инициативе Евгения Петровича был организован круглый стол, на котором обсуждалась роль духовной культуры в сближении народов, в укреплении дружбы и взаимопонимания. Это мероприятие без преувеличения можно считать уникальным в истории российско-индийских культурных и духовных связей. На одной медийной площадке встретились в дружественной, располагающей к доверительному диалогу обстановке представители двух мировых религий: Свами Локешварананда и Митрополит Ленинградский и Новгородский Алексей, ставший впоследствии Святейшим Патриархом Всея Руси. Переводила беседу Мариам Салганик — известный востоковед, блестящий знаток восточной культуры и автор переводов на русский язык многих произведений индийских философов и общественных деятелей.

В стремлении отца во что бы то ни стало расширить и наполнить новым конструктивным содержанием диалог нашей страны с Индией был еще один знаковый эпизод. Здесь опять-таки, как и в предыдущем случае, он пошел вразрез с действовавшими на тот момент идеологическими установками и политическими приоритетами. Речь идет о приглашении посетить нашу страну, которое он в конце 1960-х годов в буквальном смысле «пробил» для будущего духовного лидера индийской оппозиции Джаяпракаша Нараяна и его супруги — Прабхавати Деви.

Тогда еще мало кто в нашей стране предполагал, сколько весомые позиции займет в самом ближайшем будущем этот известный индийский политический и общественный деятель в общеиндийском масштабе. Как это было практически всегда, все наши контакты с зарубежными партнерами — политические, идеологические, экономические и даже научные — замыкались исключительно на представителях правящих партий и элит, в то время как оппозиционные им силы враждебно игнорировались. В случае с Индией непререкаемым фаворитом в те годы был Индийский национальный конгресс и все персоналии, так или иначе, с ним связанные. Любые контакты со всеми остальными рассматривались как пре-

Рис. 12. Евгений Петрович беседует с премьер-министром Индии Чандра Шеххаром. Нью-Дели, 1990 г. Из семейного архива Д. Е. Челышева

досудительные, а если кто-либо вдруг проявлял в этом отношении инициативу — как «несанкционированные», что вполне могло привести к досрочному откомандированию из страны. Я застал эти времена и хорошо помню, как это происходило.

Нужно, наверное, сказать хотя бы вкратце, кто такой был Дж. Нараян и какую ответственность брал на себя отец, приглашая его в Москву. Один из столпов коммунистического движения в Индии в 1920-е годы и основатель социалистической партии в 1930-е, искренне симпатизировавший Советскому Союзу, он под впечатлением информации о чудовищных сталинских репрессиях, которая просачивалась даже в Индию, глубоко разочаровался в своих убеждениях молодости и пришел к выводу, что такая модель общественного устройства не подходит для его страны. К 1960-м годам, когда он посещал Советский Союз, он уже практически полностью перешел на гандистские позиции и уверовал в предлагаемые этим лидером методы борьбы за переустройство общества. Уже через несколько лет после визита в Москву, в 1974–1975 годах, он возглавил массовое студенческое движение против коррупции во всех эшелонах власти в штатах Бихар и Гуджарат, которое очень скоро под его руководством переросло в массовые общеиндийские протестные акции. Важно подчеркнуть, что это были не просто спорадические, стихийные выступления — он в деталях разработал модель альтернативного всеобъемлющего общественного переустройства, основанную на традиционных индийских ценностях — «тотальную революцию», как он ее называл, и придавал, таким образом, своему движению четко ориентированный идеологический характер. Оно получило в стране столь широкую поддержку, что тогдашний премьер-министр Индии Индира Ганди оказалась вынужденной пойти на неслыханный и самоубийственный для политика шаг — ввела в 1975 году в стране чрезвычайное положение. Уже через год она была вынуждена отменить все драконовские меры, а ее партия Индийский национальный конгресс катастрофически провалилась на следующих парламентских выборах и впервые со времен независимости уступила место оппозиционным силам. Все они объединились под названием Джаната парти (или «Народная партия») под руководством Дж. Нараяна. Он сам отказался занимать в новом образовании какие-либо официальные посты и остался ее «духовным отцом и вдохновителем». С годами эта партия претерпела определен-

ные трансформации и послужила основой для создания новой — Бхаратия джаната парти (Индийской народной партии), которая уже начиная с 2014 года бессменно находится у власти в Индии.

...Хорошо помню, как вместе с отцом и этим высокого роста и осанистым индийцем мы прогуливались по Красной площади, посещали мавзолей, на котором тогда еще были выбиты имена «Ленин» и «Сталин», потом ходили по разным павильонам Выставки достижений народного хозяйства СССР. Я, должно быть, учился тогда в классе шестом или седьмом и поэтому, конечно же, не понимал, о чем они разговаривали. Мог ли я представить тогда, что когда-то напишу диссертацию о массовом движении, развернувшемся в Индии под его руководством, и книгу об этом ярком и выдающемся политике в истории независимой Индии?

Но это вторично. Главное же, что я хотел особо подчеркнуть, состоит в том, что отец всегда мыслил нестандартно, часто выходил далеко за рамки общепринятых правил и установок, умел сконцентрироваться на главном в череде текущих событий, поразительно точно предвидел развитие ситуации в будущем.

У отца всегда было очень много друзей, коллег и единомышленников. Многих из них я хорошо помню еще с самого раннего детства, другие появились в моем восприятии уже в более поздние времена, в зрелом возрасте. Он всегда не мыслил себя без общения, без окружающих его близких ему по духу людей, без дружеского разговора или обмена мнениями по каким-либо научным проблемам.

Яркие воспоминания связаны с его ближайшим и самым задушевым другом — Александром Васильевичем Барановым, с которым они учились в Военном институте иностранных языков. Для меня он всегда был и останется просто «дядей Сашей». Хорошо помню, что этот бравой военной выправки генерал-майор Главного разведывательного управления, поджарый, с небольшими усиками, всегда очень энергичный и бодрый, очень часто приходил к нам домой, когда мы жили уже на 2-й Фрунзенской. Протягивая мне руку, он обычно всегда говорил: «Смотри, только не жми очень сильно!» Он был большим весельчаком и душой компании. Нередко, когда все друзья нашей семьи собирались за большим столом у нас дома, он рассказывал какие-то смешные истории, шутил и балагурил. А потом, когда уже гости под влиянием выпитого начинали галдеть и шуметь, а он еще хотел сказать что-то,

Рис. 13. Евгений Петрович вместе со своим самым близким другом и однокурсником, генералом ГРУ Александром Васильевичем Барановым. Москва, 1968 г. Из семейного архива Д. Е. Чельшева

особым образом вложив пальцы в рот, оглушительно свистел, так что в ушах звенело. «Саша, — обычно, закрыв уши руками, восклицала моя мать, — да будет тебе, у меня от тебя голова разболелась!» К величайшему сожалению, он ушел из жизни очень рано. Его род деятельности не подлежал широкой огласке, но поговаривали, что он стал жертвой диверсии во время службы в Монголии.

Еще один ближайший друг и соратник Евгения Петровича, которого я помню буквально с рождения — Семен Моисеевич Дымшиц. Настоящее его имя было Залман Мошевич, но в те годы многие, как могли, старались закамуфлировать свое еврейское происхождение. Они вместе с супругой — Софьей Робертовной — были первыми, кто пришел в роддом поздравить ее с моим рождением. Они были для нас почти что родными — я всегда называл их дядя Сема и тетя Соня.

Это был замечательный и очень талантливый ученый, фанатично преданный своему делу. Фронтовик, прошедший всю Великую Отечественную войну. Хорошо помню, как, бывало, за столом, он все время заводил с отцом разговоры о работе. Отец его

прерывал: «Да будет тебе, Семен, давай поговорим о чем-нибудь еще. Ты лучше ешь — смотри, как все вкусно!»

Его перу принадлежит один из лучших, до сих пор непревзойденных учебников языка хинди. По нему учатся студенты и по сей день. Хотя пришлось ему нелегко — его недруги всеми силами старались помешать защите его докторской диссертации. Но отец сделал все возможное и даже невозможное, как это всегда было ему свойственно, когда он ставил перед собой какую-либо цель. В результате проблема была решена: Семен Дымшиц успешно защитился.

На протяжении многих лет близким другом и соратником был другой блистательный ученый, человек широчайшей эрудиции Григорий Львович Бондаревский. Мне посчастливилось с ним общаться уже много позже, когда я работал над кандидатской диссертацией. Диапазон знаний, которыми он свободно владел, просто поражал. Я понял тогда, что отец не зря говорил, что после часа или полутора общения с ним от обилия информации начинала болеть голова. Тогда же в юношеские годы, когда мы жили на 2-й Фрунзенской, мои родители дружили семьями с Дымшицами и Бондаревскими и часто перед сном отправлялись на прогулки по Фрунзенской набережной. К величайшему сожалению, Григорий Львович трагически погиб в расцвете творческих сил. Преждевременно ушел из жизни из-за тяжелой болезни и Семен Моисеевич.

Нельзя не вспомнить о другом замечательном человеке и близком друге отца — Алексее Давыдовиче Литмане. Редкого таланта ученый-философ, сотрудник Института востоковедения, автор многих новаторских работ по индийской философии в расцвете своей научной карьеры оказался в трудной жизненной ситуации — его первая жена с двумя детьми бросила его и эмигрировала в Израиль. В те годы это было несмыслимым пятном: коллеги смотрели на него косо, он оказался «невъездным», защита докторской диссертации всеми правдами и неправдами тормозилась. Не принимался в расчет даже его статус ветерана Великой Отечественной войны. И здесь, как и в случае с Дымшицем, в его защиту активно включился отец. Понятно, что он сам серьезно рисковал, хлопоча за человека, оказавшегося в политической и научной опале. Но такой уж у него был характер — если он верил, что борется за правое дело, за восстановление справедливости, его ничто не могло остановить. Это

Рис. 14. Рыбалка удалась! Вместе с Евгением Петровичем радуется его сват – Павел Федорович Камышников, заслуженный военный юрист и ветеран Великой Отечественной войны. Село Воскресенское Горьковской области, 1975 г. Из семейного архива Д. Е. Челышева

становилось для него делом принципа, которым он всегда очень дорожил и никогда не поступался.

Алексей Давыдович, конечно же, оценил эту поддержку, совместная борьба сблизила их и переросла в крепкую дружбу. В ее орбиту с годами оказались вовлечены и мы с супругой. На определенном этапе он помог ей в работе над диссертацией. Мы же сблизились с ним совсем на другой почве. Алексей Давыдович был страстным любителем ужения рыбы, в чем мы с ним полностью совпадали. Отчетливо вспоминаются многие эпизоды, связанные с этим занятием, когда они вместе со второй супругой — Ниной Павловной — приезжали на родину предков моей жены, Ирины Павловны, в село Воскресенское тогда еще Горьковской области, расположенное на легендарной реке Ветлуге.

Невозможно не упомянуть о верном и преданном соратнике Евгения Петровича, его коллеге и единомышленнике Анисе Хабировиче Вафе. Этот замечательный человек, высоко эрудированный и масштабно и нестандартно мыслящий ученый, был на протяжении многих лет его главным советчиком и консультантом по многим научным и общественно значимым вопросам. Мы хорошо

Рис. 15. Семья Челышевых на Adlerском пляже. Супруга Елена Владимировна и сын Дмитрий. 1958 г. Из семейного архива Д. Е. Челышева

Рис. 16. На отдыхе в Адлере. 1958 г. Из семейного архива Д. Е. Челышева

и близко были знакомы с ним на протяжении многих лет. Нам казалось, что отец всегда прислушивается к его рекомендациям. И вот однажды, когда возникла некая спорная ситуация, мы позвонили ему и попросили содействия. Анис Хабибович рассмеялся.

Рис. 17. Прогулка в горах. Адлер, 1958 г. Из семейного архива Д. Е. Чельшева

«А вы что же, в самом деле думаете, что Евгений Петрович всегда прислушивается к моим советам? Да не смешите меня! Он выслушивает, что я говорю, потом обменивается мнениями со многими своими коллегами по этому же вопросу, а затем, обобщив все эти мнения и обдумав, принимает самостоятельное решение». И это, действительно, правда. Отец всегда был готов выслушать своих коллег, благожелательно воспринимал конструктивную критику, но окончательное решение оставлял за собой.

Перечень его друзей и единомышленников можно было бы продолжать еще очень долго. Важно подчеркнуть лишь одно — отец всегда работал, что называется, «в команде», при тесной и искренней поддержке своих друзей и единомышленников.

...Для меня отец, конечно же, не всегда предстал в качестве ученого и известного общественного деятеля. В зрелые годы мы, бывало, нередко спорили, полемизировали, расходились во мнениях и весьма горячо обсуждали различные проблемы. Но память хранит множество сугубо личных детских и юношеских воспоминаний о нем. Порой курьезных, нередко очень ярких и выпуклых, которые вспоминаются так отчетливо, как будто все это происходило только вчера.

Все, кто был лично хорошо знаком с Евгением Петровичем, наверняка согласятся, что он был прекрасным рассказчиком. Он обладал редким талантом преподнести события прошлого ярким и выразительным образом, что называется, «в лицах», и казалось, как будто сам незримо присутствуешь при всем происходящем. Этот волшебный дар он унаследовал, по-видимому, от своей матери и моей бабушки — Клавдии Михайловны. С годами я, конечно, стал понимать, что в его завораживающих воображение повествованиях присутствует некая толика художественного вымысла, без которого любой рассказ становится сухим и скучным. Нельзя не вспомнить в этой связи увлекательные монологи корифеев этого жанра, таких как Эдвард Радзинский и Иракий Андроников. Помните, как пел Булат Окуджава в известной песне о красной розе? — «вымысел не есть обман». Так и в рассказах отца — главная канва всегда оставалась соответствующей исторической правде, лишь расцветиваясь некоторыми деталями и подробностями, которые, в принципе, вполне могли быть реальностью, а может быть и нет — кто знает?

*Рис. 18. Прогулка на катере в Адлере, 1958 г.
Из семейного архива Д. Е. Челышева*

Рис. 19. Подполковник Евгений Петрович с семьей на Котельнической набережной. Москва, 1957 г. Из семейного архива Д. Е. Чельшева

В раннем детстве, когда мы еще жили в фамильном доме № 35 в Садовниках (тогда улица носила название советской героической летчицы Осипенко), построенном Семеном Глебовичем Чельшевым, мы часто по вечерам ходили с отцом на прогулки. Наш маршрут обычно пролегал через Устьинский мост и далее либо по набережной Москвы-реки в сторону МОГЭСа или на крутой подъеме Вшивой горки, ведущей в сторону Таганки. Когда мы с братом обычно спрашивали отца: «А куда пойдем сегодня?», он порой отвечал: «Туда, куда Макар телят не гонял». Так он окрестил маршрут, ведущий от Котельнической набережной. Он был большим выдумщиком и любил пошутить. Во время этих прогулок он все время рассказывал что-то очень интересное — любил вспоминать свои детские годы, забавные приключения, связанные с посещением запретных мест, в частности так называемого Толкучего рынка, располагавшегося в начале прошлого столетия неподалеку от нашего фамильного дома на берегу Москвы-реки, рассказывал о том, что ему пришлось пережить в годы войны.

Часто мы с отцом гуляли, когда я проводил лето с бабушкой на даче в пригородах Загорска. Отец с матерью приезжали из Москвы на субботу и воскресенье, чтобы пополнить наши продоволь-

ственные запасы. Тогда в местных магазинах было пусто. Отец почему-то очень любил ходить на прогулки с палкой в руках, что-то вроде посоха. Он обычно сам находил в лесу небольшую стройную ель или сосну, потом срубал ее, тщательно обстругивал и полировал. Надо сказать, что не всегда у него получалось очень удачно. Очень часто, когда он брался за какие-то хозяйственные работы, вскоре слышался возглас: «Леленька, а где у нас йод?» Мы часто шутили по этому поводу: «Ну вот, отец опять взялся что-то мастерить».

В Москве это, наверное, выглядело бы не совсем уместным, но здесь, в окрестных лесах отец часто напевал самые различные песни. У него был очень хороший слух, неплохой голос, а самое главное — феноменальная память. Репертуар был практически неистощим, и, что самое удивительное, он помнил все слова — здесь были и революционные браваурные песни, и мелодии советских лет, и даже песни из индийских кинофильмов. Романсы, песни Вертинского и Петра Лещенко, которые он прекрасно знал, отец, если мне память не изменяет, тогда не пел — они не очень подходили под бодрый шаг нашей маршировки по лесу.

Рис. 20. «Семейный квартет». Евгений Петрович ведет партию на мандолине, и ему ассистируют троюродный брат его супруги Альберт Александрович Кууз, Людмила Ивановна Чельшева и сын Дмитрий. Из семейного архива Д. Е. Чельшева

*Рис. 21–22. Евгений Петрович, как он обещал, «заваливает весь дом дичью».
Из семейного архива Д. Е. Чельшева*

Энергия и мальчишеский задор, как я теперь хорошо понимаю, всегда били в нем через край. Помню, как однажды, придя домой с работы — это было, когда мы еще жили в Садовниках, — он радостный и сияющий принес с собой двустволку. Бабушка и мать воззрились на него с недоумением. «А это, Женя, что еще такое?» — спросили у него. «Да вы же просто не понимаете, теперь я завалю весь дом дичью! — воскликнул отец. Потом он закупил все необходимое — порох, гильзы для охотничьего ружья, пыжи, капсюли и всякие приспособления для снаряжения патронов. Готовые тогда не продавались. Я с большим любопытством наблюдал, как он все это проделывает и представлял себе, как у нас в доме появятся охотничьи трофеи — глухари, тетерева, зайцы и иная дичь. Все эти аксессуары хранились в одном из ящичков буфета, который своими руками сделал отец Евгения Петровича — Петр Семенович. Он до сих пор украшает одну из наших комнат. Однако к моему разочарованию моим сказочным грезам сбыться было не суждено. Отец всего один раз отправился куда-то с ружьем и вернулся с пустыми руками. Наверное, они с товарищами по охоте хорошо провели время, но на этом его охотничья эпопея закончилась. Двустволка долгое время валялась где-то в шкафу, потом ее забрал мой старший брат и она вообще куда-то исчезла.

Вспоминается еще один забавный эпизод времен нашего проживания на улице Осипенко. Как-то раз в один из вечеров мать сказала ему: «Женя, пойди купи чего-нибудь к чаю». Дело, помню, было зимой. Отец с охотой согласился, быстренько оделся и отправился в магазин. Через некоторое время раздались три звонка — так было принято звонить нам в коммунальную квартиру, которая осталась нам после уплотнения фамильного дома Чельшевых. Я, конечно, радостно выскочил из наших комнат и побежал по длинному и широкому коридору открывать дверь. На пороге стоял отец, раскрасневшийся с мороза, с объемным промасленным бумажным кулечком в руках. На лице его читалась загадочная улыбка. Так обычно внутренне радуются, предвкушая, какой ошеломительный эффект произведут последующие действия. «Что это такое?» — настороженно спросила мать. «Леленька, ты даже не представляешь, что я купил! Это кильки! Ты знаешь, так дешево! Я не смог удержаться и взял побольше». Последовала пауза. Эффект, по всей вероятности, действительно был настолько сильным, что некоторое время мать и бабушка не могли подобрать нужные

слова, чтобы выразить свои эмоции. «Ну, тогда ешь их сам, — наконец произнесла мать, — а чай будешь пить просто с сахаром». По-моему, это был первый и последний раз, когда Евгений Петрович ходил в магазин за продуктами.

Я с детства хорошо помню, что отец всегда с головой был погружен в научную работу. Даже когда он приезжал на нашу более чем скромную дачу под Загорском, он всегда умудрялся привозить с собой, — вдобавок с тяжелыми сумками с продуктами, — целый ворох рукописей, каких-то записей и конспектов. Потом он уединялся где-то под вишневыми деревьями наших скудных восьми соток и работал. Иногда оттуда слышалось: «Леленька, а не принесешь ли мне кваску?». В перерывах отец уделял время садоводству и огородничеству — он вообще, насколько я помню, никогда не любил праздного времяпрепровождения. Копать он терпеть не мог, зато его «коньком» был полив. Этому занятию он предавался с большим удовольствием, я бы сказал, самозабвенно. Зачастую матери и бабушке приходилось его останавливать и отбирать шланг, дабы не погубить весь будущий урожай.

Брался он иногда и за более серьезные хозяйственные дела. В 1960-е годы у нас в стране со стройматериалами было неважно. Какие-то плохо обструганные доски можно было, конечно, купить, но о существовании такого отделочного материала, как вагонка, никто и не подозревал. И тут как-то случилось, что вернулись из долгосрочной командировки в Японию наши соседи в кооперативном доме на 2-й Фрунзенской, где мы проживали с 1961 года. Багажа у них было много и весь он был упакован в невиданные по тем временам у нас в стране деревянные ящики — из тонких, где-то в сантиметр толщиной тщательно оструганных досок, обложенных внутри плотной металлической фольгой. Не привыкшие к советской действительности дипломаты, когда приходилось включать немалую фантазию и смекалку, чтобы как-то приспособить совершенно неподходящую вещь для выполнения желаемых бытовых нужд, Марковы, — а так, если мне память не изменяет, была фамилия наших соседей, — уже готовились выбросить эти ящики на помойку, но так случилось, что их заметил отец. «Да вы что! — воскликнул он, — мы обязательно заберем их на дачу». Не припомню, каким образом — автомобиля у нас в семье в те годы не было, — но он перетащил их туда и потом решил обить ими внутреннюю стену нашей малюсенькой терраски. Хорошо зная

Рис. 23. Евгений Петрович строго руководит «сельскохозяйственными работами» на дачном участке в окрестностях Сергиева Посада. Елене Владимировне и семье Кууз приходится подчиняться. 1969 г.
Из семейного архива Д. Е. Чельшева

его хозяйственные «навыки», поначалу все относились к этой затее скептически. Но отец «загорелся» этой идеей, даже соорудил нечто вроде верстака и потом неумоимо, каждую субботу и воскресенье, в перерывах между своими научными штудиями, что-то строгал, пилил и приколачивал. Незначительный эпизод, казалось бы, но в нем очень рельефно высветился его характер — если уж он ставил перед собой какую-либо цель, проникался этой идеей, то всегда и непременно ее достигал, преодолевая все трудности и препятствия.

Так случилось и на этот раз — терраска, к нашему удивлению, была безукоризненно обита японскими досками. Были, конечно, издержки в виде йода и иных потерь, но цель была достигнута.

Отец очень любил велосипедные прогулки. В детстве и юношестве мне всегда это тоже очень нравилось, так что в этом отношении мы с ним полностью совпадали. Однажды, помню, — мне тогда было, наверное, лет 15–16, — в нашей загорской «латифундии» он как-то сказал: «Слушай, а не поехать ли нам на велоси-

педах в Дмитров?» Меня это предложение несколько озадачило. Тогда я плохо представлял себе, как можно добраться от нашего дачного кооператива до этого города. И тут отец торжественно извлек откуда-то увесистый на вид и довольно объемный бумажный пакет. Это была географическая карта Московской области — величиной, наверное, с простыню, сильно потертая и обветшавшая, частично порванная на сгибах, но, все-таки, вполне читаемая. В те годы подобные географические карты столь большого масштаба — а он там был 1:2 — у нас в стране не печатались, поскольку эта информация относилась к разряду строго секретной. О том, что со временем возникнут всем доступные интерактивные карты в Интернете, тогда, разумеется, никто не предполагал. При виде моего озадаченного вида отец пояснил: «Эту карту я привез с фронта, конечно же, тайком». К слову сказать, это был далеко не единственный его военный «трофей». Еще он прихватил с собой немецкий пистолет «Вальтер», который потом, по рассказам матери и бабушки, они разобрали и по частям выбросили в болото. Шутка ли сказать — в те годы за незаконное хранение оружия можно было

Рис. 24. Евгений Петрович беседует со старшим сыном Владимиром. Подмосковная деревня Лугинино, 1955 г. Из семейного архива Д. Е. Чельшева

поплатиться не только лишением свободы, но и жизнью. Долго разбираться «что да как» никто бы не стал.

Внимательно изучив карту, мы наметили маршрут — сначала решили доехать до ближайшей станции Семхоз, потом на электричке до следующей остановки Хотьково, а оттуда нам предстояло преодолеть 35 километров до Дмитрова. Погода была отличная, ехать по асфальтированной дороге было одним удовольствием, тем более что автомобильного движения в те годы практически не было, и за какие-то два с небольшим часа мы добрались до места. Судя по всему, это была прогулка ради прогулки, так как в самом городе, насколько помню, мы не осматривали никаких достопримечательностей. Уже было собрались ехать обратно и тут отец сказал: «Слушай, а давай-ка выпьем пивка! Что-то жарковато стало». Я был не против, но как найти в незнакомом городе, где его продают? В те годы это было не так-то просто. На помощь пришел первый же встречный прохожий: «Да где же еще, в бане, конечно», — сказал он, с удивлением посмотрев на нас, как будто мы спустились с другой планеты. В бане мы выпили по кружке пива и пустились в обратный путь. По дороге нас застал сильный ливень, и мы с отцом, побросав в спешке велосипеды, спрятались, пережидая его, под могучей елью в придорожном лесу. Какое замечательное это было время!

Еще как-то раз мы ездили с ним в окрестности Хотьково, но уже полностью своим ходом. Он обнаружил на той же карте, что в окрестностях этого поселка должен находиться древний православный храм Сергия Радонежского. На сей раз все было не так комфортно — ехали проселочными дорогами, какими-то лесными тропами, по грязи и ухабам. То, что мы увидели в конце нашего путешествия, глубоко шокировало отца. Это было видно сразу — обычно веселый и жизнерадостный, он как-то помрачнел и ушел в себя. Я в те незрелые годы еще плохо отдавал себе отчет в том, до каких чудовищных масштабов может дойти духовная деградация. От храма остались одни развалины, а в церковном приделе был размещен коровник. Обратный путь проходил в молчании. Отец ничего не пел и не балагурил, как обычно.

К счастью, этот памятник русской православной культуры и духовности был потом восстановлен. К сожалению, лишь потому, что совсем неподалеку проходил один из туристических маршрутов Олимпиады 1980 года к Троице-Сергиевой лавре. Уже много

лет спустя, в 1990-е годы, мы с супругой не раз приезжали в этот храм и имели возможность увидеть его в возрожденной красоте и первозданном обаянии. К сожалению, отца с нами не было и этот храм так и остался в его памяти, превращенным в коровник.

Помимо велосипедных, было еще несколько очень памятных и ярких путешествий, инициатором которых неизменно выступал отец. Навсегда врезалась в память поездка на побережье Белого моря в окрестности города Онеги. Там мы оказались благодаря хорошему и давнему знакомому Евгения Петровича, сотруднику восточной редакции издательства «Прогресс» Федору Ануфриеву. Он был родом из этих мест, постоянно навещал их и как-то предложил отцу поехать вместе с ним в его родные пенаты. Это было в начале 1970-х годов, когда я учился на факультете журналистики МГУ.

Добраться в эти места в те годы было не так-то просто. Сначала нужно было доехать поездом до Архангельска, затем пересесть на местный поезд до Онеги и уж потом кое-как разместиться на палубе небольшого катерка, которой раз в неделю курсировал между Онегой и деревней Кяндой, находящейся к востоку в устье впадения в Белое море одноименной реки на расстоянии приблизительно километров в 150. Это был единственный способ добраться до этой глухомани — кругом были сплошные таежные леса и никаких автомобильных дорог в ту пору не существовало.

Наш проводник и гид по здешним местам Федор Ануфриев — высокого роста, крепкого телосложения мужчина, с окладистой рыжей бородой, чувствовал здесь себя «как рыба в воде». Поэтому уже на следующий день он предложил отправиться на таежные озера километров в 25 от деревни. Там, как он рассказал, есть зимовье, в котором размещаются местные охотники во время промысла. Так и сделали. Рано утром мы выступили в поход — у каждого за спиной был объемистый рюкзак с провизией и всем необходимым для жизни в условиях глухой тайги. Кроме того, на голову необходимо было надеть специальную защитную сетку от мошки. Целесообразность этой меры стала очевидной сразу же, как только мы вступили под лесные своды — воздух буквально звенел от мириадов маленьких кровососущих насекомых, которые кружились и облепляли плотным черным слоем любое незащищенное кожное пространство. Никакой дороги или даже намека на тропинку не было: ориентироваться нужно было по виднеющимся метров за

50 засечкам на стволах деревьев. Иначе говоря, добираться до одной такой метки и дальше уже идешь до следующей, не теряя ее из виду, перелезая через стволы упавших деревьев и продираясь сквозь бурелом. И так вот все двадцать с лишним километров. Для нашего проводника Федора это было делом привычным, а всей остальной команде — сына Федора, чуть постарше меня и еще одного человека по имени Сергей, знакомого семьи Ануфриева, пришлось изрядно попотеть. Отец, как всегда, не унывал — он был в отличной физической форме, которую он поддерживал вплоть до весьма преклонных лет. Подбадривал отстающих, как всегда, что-то рассказывал и балагурил.

Так шли мы целый день, уже начало темнеть, но озера так и не показывались. Уже когда почти не видно было ни зги, мы забрели в какое-то болото. Вода была выше колен, за плечами тяжеленные рюкзаки и совершенно непонятно, куда двигаться дальше. Возникло ощущение полной безысходности. Вдруг откуда-то издали слышался призывный крик Федора: «Давайте идите сюда, на мой голос!» Следуя этому направлению, мы, действительно, вскоре выбрались на сухой пригорок. Развели костер, кое-как высушили промокшую одежду и завалились спать «как убитые».

На следующее утро нас разбудил Федор. Он опять кричал откуда-то издали: «Эй, смотрите, а озеро-то совсем рядом!» Оказалось, что вчера ночью мы не дошли до него каких-нибудь метров сто. Впрочем, если бы даже и дошли, то ситуация вряд ли кардинально улучшилась. Зимовье представляло собой маленький бревенчатый сруб, где-то метра три на четыре, с узким лазом, сквозь который можно было пролезть лишь на четвереньках. Внутри был деревянный настил, устланный соломой. Но, все-таки, это лучше, чем ночевать в тайге под открытым небом.

Мы пробыли там два дня, рыбалка оказалась безрезультатной, чему Федор был явно огорчен. «Наверное, это все из-за жары», — словно оправдываясь, сокрушался он. В тот год, действительно, стояла очень жаркая погода и под Москвой горели торфяники. Но это не так важно. Путешествие по тайге оставило неизгладимый след в памяти. Мы с отцом часто его вспоминали.

Не обошлось без еще одного приключения. Хозяин дома, в котором мы остановились на постой, какой-то дальний родственник Федора, предложил отвезти нас на побережье Белого моря. Средством нашего передвижения по реке Кянде служила внушитель-

ных размеров деревянная лодка с мотором, как говорится, «времен Очакова и покоренья Крыма». Почти весь день мы провели на живописном песчаном пляже с вкраплениями огромных валунов. Вокруг не было ни души, что естественно — ближайший населенный пункт располагался в сотнях километров от этого места. Но настоящие приключения ожидали нас на обратном пути. Погода резко испортилась, поднялся сильный ветер, который погнал приличную волну. Это ненастье застигло нас где-то в километре от берега — он виднелся на горизонте тоненькой полоской. Наш кормчий старался изо всех сил держать курс по ветру, чтобы лодку не развернуло. Но старенький мотор стал опасно чихать и захлебываться. Всем было понятно, что, если он окончательно заглохнет, лодку неминуемо развернет боком к волне и она перевернется. Добраться до берега вплавь вряд ли нам удалось бы: все были довольно тепло одеты, да еще в придачу в сапогах. На всякий случай все начали разуваться. И тогда отец, дабы поддержать моральный дух членов «экспедиции», по своему обыкновению стал петь бодрые и браваурные песни. Это всегда его отличало: в любой, даже самой трудной ситуации, он старался, что называется, «держаться молодцом», не поддаваться страху и панике. К счастью, мотор не заглох, и мы благополучно вернулись восвояси.

Можно было бы, конечно, рассказать еще очень многое. Ведь каждый эпизод, казалось бы, даже самый незначительный, ярко высвечивает грани его характера, позволяет представить, каким он запомнился родным и близким.

...Меня часто спрашивали: «Скажите, а в чем секрет такого редкого долголетия Евгения Петровича? Может быть, он соблюдает какую-нибудь особенную диету?» На самом деле в этом плане все было с точностью до наоборот. Отец вплоть до самых своих последних дней — а он совсем немного не дожил до своего 99-летия — являл собой пример полной противоположности, как сейчас принято говорить, предписаниям ЗОЖ. Он всегда ел все то, что ему хотелось. И даже в последние несколько лет, когда по настоятельной рекомендации лечащих врачей он был вынужден переселиться в пансионат ветеранов науки РАН, он не изменял этой привычке. Любой диетолог, наверное, ужаснулся бы такому набору продуктов, которые мы ему регулярно приносили по его просьбе: среди них в обязательном порядке были сало, копченая колбаса, холодец, всевозможные соленья и даже тушенка. Послед-

няя ему особо нравилась, и он вспоминал при этом с ностальгией свою молодость, когда на фронте они ели эти консервы американского производства под названием «второй фронт». Часто просил принести ему пиво, которое он очень любил. На этой почве у нас с сыном нередко возникали конфликты с врачебным персоналом и администрацией пансионата. Они, понятное дело, категорически возражали.

Так что секрет его долголетия состоял, по моему глубокому убеждению, отнюдь не в здоровом питании. Отец обладал феноменальной способностью контролировать свой разум и не допускать, чтобы им овладевали негативные эмоции и переживания. А они, что давно научно доказано, самым непосредственным образом влияют на физиологическое состояние человека, служат причиной возникновения многих опасных внутренних заболеваний. Как он этому научился, я не знаю. Очень многие пытаются

Рис. 25. Евгений Петрович с сыном Дмитрием и внуком Андреем отдыхает перед очередной встречей во внутреннем дворе Бюро Агентства печати «Новости». Рядом – помогавший ему в поездке бессменный администратор советского, а позже Российского центра науки и культуры в Бомбее г-н Суварна, человек, внесший огромный практический вклад в дело налаживания и укрепления связей нашей страны с Индией. Индия, Бомбей, 1982 год

Рис. 26. Евгений Петрович благословляет внука на начало трудовой жизни – обучения в подготовительном классе индийской школы Грин Лоунз. Индия, Бомбей, 1982 год

этого достичь на протяжении всей жизни с помощью аутотренинга на Западе, медитации и йогических практик на Востоке. Хорошо известно изречение Будды о том, что легче победить врага и покорить чужую территорию, чем установить контроль над своим разумом. Отец, насколько мне известно, никогда ничем подобным не увлекался. Тем не менее, каким-то непостижимым образом он сумел выстроить некий эмоциональный и психологический барьер на пути негативной информации, и она отскакивала от него, как мячик от стены, не позволяя овладеть разумом. Не очень часто, но все же порой возникали ситуации, когда с ним разговаривали грубо и даже хамили. Когда этот человек уходил, отец говорил: «Ну, вот видишь, как все ко мне хорошо относятся?» Сначала я думал, что он просто шутит, что это некая бравада, но с годами понял, что это не показное, и что он действительно так думает. Вот в этом-то, как мне представляется, и есть главный секрет его долголетия.

...В заключение моего короткого рассказа я хотел бы еще раз поблагодарить Институт Наследия и лично его директора Владимира Владимировича Аристархова за внимание, которое оказывалось моему отцу при его жизни и за светлую память о нем.

АКАДЕМИК Е. П. ЧЕЛЫШЕВ (1921–2020): ВОСТОКОВЕД И КУЛЬТУРОЛОГ

В Российском научно-исследовательском институте культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва (далее Институт Наследия) с 2017 года и до настоящего времени проходят встречи, круглые столы и семинары в рамках авторского просветительского проекта «Живое наследие памяти», который создала, организует и проводит Д. Я. Романова, старший научный сотрудник нашего учреждения. Эти заседания и встречи посвящаются выдающимся деятелям культуры России, которые, как правило, представляют известные творческие династии и отражают в своей деятельности историю отечественной науки, литературы и искусства. «В настоящее время особенный интерес представляет рассмотрение научного наследия профессиональных династий, их открытий и достижений, реализации призвания как неотъемлемой части нематериального культурного наследия. Популяризация научных, профессиональных и творческих традиций в процессе сохранения семейной памяти имеет большое научное и просветительское значение»¹.

27 октября 2021 года в день столетия со дня рождения академика Евгения Петровича Челышева в Институте Наследия состоялся круглый стол, посвящённый памяти известного учёного и его научному наследию. Эта встреча продолжила цикл научных мероприятий, проводимых в Институте Наследия в честь выдающихся учёных и их семейных династий, который был включён в План по подготовке и проведению празднования 300-летия Российской академии наук.

---

¹ Романова Д. Я. Сохранение и наследование семейных и родовых традиций в системе нематериального культурного наследия России // Энциклопедия нематериального культурного наследия России. Посвящается Году культурного наследия народов России. — М. : Институт Наследия, 2022. — С. 285. — DOI 10.34685/НИ.2022.58.44.003 ; ISBN 978-5-86443-396-6.

Академик Евгений Петрович Чельшев был известным востоковедом и литературоведом, крупным специалистом по индийской литературе, которой он занимался и создал собственную научную школу, во многом способствовал открытию для широкого круга читателей нашей страны современной филологии Индии. «Е. П. Чельшеву — впервые в нашей науке — удалось представить новую и новейшую индийскую литературу не как сумму отдельных региональных литератур, а как единое целое, развивающееся в соответствии со своими внутренними закономерностями. На широчайшем литературном и историко-культурном материале исследователь выявил те специфические черты, которые пронизывают все этапы развития словесности на языках многонациональной Индии, иными словами, раскрыл “общеиндийское” в литературах этой страны. В тех же книгах решалась и другая задача — создание системной типологии: было определено русло, по которому индийский литературный процесс вливается в общемировой, становясь его составной частью»².

Академик Д. С. Лихачёв, который познакомил меня с Евгением Петровичем в далеком 1989 году на заседании Отделения литературы и языка АН СССР, сказал мне: «Евгений Петрович Чельшев известен, прежде всего потому, что лучше его современную индийскую литературу у нас в России никто не знает». Эта высокая оценка даёт нам представление о том, как в академических кругах современники Евгения Петровича отзывались о нём и прекрасно понимали его значение как ученого.

Е. П. Чельшев, на мой взгляд, был во многом соратником Д. С. Лихачёва, С. О. Шмидта, И. К. Кучмаевой и других видных российских ученых и общественных деятелей конца XX — начала XXI веков в борьбе за сохранение отечественной культуры. Евгений Петрович принимал активное участие в появлении и становлении такого научного и образовательного направления, как культурология. Он поддерживал деятельность первых российских культурологов, особенно в трудные 1990-е годы. Дело в том, что культурология пробивала себе дорогу через отрицание её как научно-образовательного направления со стороны философов, прежде

---

² Черёмин А. Г. Евгений Петрович Чельшев (к 70-летию со дня рождения) // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. — 1991. — Т. 50. — № 6. — С. 585.

всего, философов культуры, а также социологов и антропологов. Здесь важно отметить, что деятельность таких выдающихся учёных, как Е. П. Чельшев, в становлении этой науки требует ещё своих историков, специальных исторических исследований как генезиса науки о культуре именно в 70-е, 80-е и 90-е годы XX века.

Также необходимо подчеркнуть, что среди отечественных индологов Евгений Петрович как специалист-востоковед пользовался огромным влиянием и авторитетом, к нему часто обращались за консультациями и советами. У него было большое количество учеников-востоковедов, прежде всего, индологов. Во второй половине XX века в Советском Союзе было очень модным и востребованным такое политическое и общественное направление, как советско-индийская дружба. Это касалось и политики, и культурных практик, и повседневной жизни. В России и Индии проводились крупные фестивали искусства, научные конференции и общественные форумы. Р. Б. Рыбаков³, тогда ещё заместитель директора Института востоковедения, мне однажды сказал, что если в Москве проходит мероприятие, посвященное Индии, то в нём непременно участвует академик Е. П. Чельшев. Он был известным учёным, причем не только в России, но и в мире. Евгения Петровича как специалиста, как посланника советской науки, а впоследствии — российской, приглашали как в Индию, так и в разные страны мира.

Е. П. Чельшев был лауреатом международных премий Джавахарлала Неру и Свами Вивекананды, а также он являлся членом Индийского бюро философского общества, членом Азиатского общества (Калькутта), почетным членом Литературной академии Индии. В 2002 году он был удостоен высшей правительственной награды Индии — Падма Бхушан (орден Лотоса) за вклад в развитие российско-индийских научных и культурных связей. На протяжении многих лет он возглавлял Общество российско-индийской дружбы. Мы часто встречались с Евгением Петровичем в посольстве Индии, на конференциях и выставках, часто обсу-

---

³ Рыбаков Ростислав Борисович (1938–2019), известный советский и российский индолог, специалист по проблемам истории культуры и религии, межкультурным взаимодействиям, директор Института востоковедения РАН в 1994–2009 годах, доктор исторических наук, сын академика Б. А. Рыбакова.

дали проблемы советско-индийского культурного сотрудничества, и, в конце концов, подружились.

Мне неудобно говорить о том, что мы были друзьями, академик Е. П. Чельшев значительно старше меня, в отцы годится. Но дружеские отношения у нас с ним действительно сложились с 80-х годов прошлого века. Для меня было особенным потрясением и большим подарком, когда ко мне на 50-летний юбилей пришел Евгений Петрович. У него была особенность — он прекрасно произносил тосты, делал это мастерски, но при этом никогда не позволял себе панибратства. Это было выражением его выдающейся личной культуры. Важно отметить, что советы Евгения Петровича, его консультации и профессиональная помощь были очень значимыми. Он не просто много работал, а был профессиональным человеком во многих направлениях научной и практической деятельности. Мне известно, что к нему обращались за помощью и советом очень многие люди из его окружения, когда оказывались в трудных ситуациях. Он был очень отзывчивым, открытым и по-настоящему добрым человеком и всегда помогал, если мог это сделать.

Во второй половине 1980-х годов, когда я работал в Советском фонде культуры (СФК), мне доводилось слышать выступления академика Е. П. Чельшева на пленарных заседаниях СФК. Это всегда было событие. Когда на заседаниях президиума СФК выступал Е. П. Чельшев, его внимательно и с уважением слушали все, в том числе политические деятели, среди которых была Р. М. Горбачёва, супруга Генерального секретаря ЦК КПСС, президента СССР М. С. Горбачёва.

Отдельно хотелось бы упомянуть о дружеских связях Е. П. Чельшева с семьей Рерихов, выдающихся русских деятелей культуры, живших в Индии, Юрия и Святослава Рерихов. С ними Евгения Петровича связывали многие годы совместной работы и дружбы. Юрий Николаевич Рерих после возвращения на родину работал в Институте востоковедения АН СССР вместе с Е. П. Чельшевым. Со Святославом Николаевичем Рерихом, который жил и работал в индийском городе Бангалоре, Евгения Петровича связывало многолетнее сотрудничество по изучению культуры и искусства многочисленных народов Индии, а также по вопросам увековечивания памяти о его отце, Н. К. Рерихе, великом русском художнике и общественном деятеле.

Ряд научных работ Е. П. Чельшева связаны с проблемами культурного наследия российской эмиграции, пушкиноведения и русской классики, особенно в странах Востока: «Российская эмиграция. 1920–1930-е годы», «Пушкин и мир Востока», ряд других работ по русской классической литературе на Востоке, «Русский язык как государственный язык Российской Федерации». В период подготовки и проведения 200-летия со дня рождения А. С. Пушкина, будучи членом Государственной юбилейной Пушкинской комиссии, академик Е. П. Чельшев руководил работой большой группы учёных по подготовке изданий произведений великого поэта и проведению юбилейных мероприятий. Он также являлся заместителем председателя Совета по русскому языку при Президенте Российской Федерации. Евгений Петрович отдавал много сил и времени работе с ЮНЕСКО в качестве председателя Комиссии по взаимодействию гуманитарных учреждений АН СССР с этой международной организацией. Известны заслуги Е. П. Чельшева как крупного организатора отечественной гуманитарной науки; будучи академиком-секретарём Отделения литературы и языка АН СССР в 1988–2002 годах, он вёл большую работу по развитию филологической науки и формированию стратегии создания и продвижения отечественной культурологии.

Особое место в научном творчестве Е. П. Чельшева занимают труды по межцивилизационным контактам, по проблемам природного и культурного наследия, а также по истории Великой Отечественной войны. Многие его работы посвящены проблемам современной российской культуры, роли культурного наследия и традиций русской духовности, укреплению связей образования с фундаментальной наукой. С 1992 года и до конца жизни он был сопредседателем Научного совета РАН по изучению и охране культурного и природного наследия, с 2012 года руководил основной исследовательской программой совета — «Цивилизационный путь России». В этой работе он сблизился с замечательным философом и культурологом В. Н. Расторгуевым, который способствовал тому, что Евгений Петрович стал тесно сотрудничать с Институтом Наследия, руководство которого предложило ему стать штатным сотрудником нашего научного учреждения, в результате он согласился. Первое, что он сказал после своего назначения: «Раз я стал сотрудником Института Наследия, то должен приехать и выступить перед научным коллективом». Он уже не

мог самостоятельно передвигаться и приехал на каталке. До сих пор те сотрудники, которые помнят его выступление, потрясены и его воспоминаниями о том, как он воевал на фронтах Великой Отечественной войны, и как знание немецкого языка спасло ему жизнь, и почему Евгений Петрович заинтересовался Индией и начал изучать хинди. Конечно, он рассказал о том, что работал со многими выдающимися учёными, общественными и государственными деятелями. Это была незабываемая лекция. Зал был переполнен и никто не уходил, слушали до конца, затаив дыхание.

В последние годы мы к нему приезжали и с директором Института Наследия В. В. Аристарховым, и с уже ушедшим от нас В. Н. Расторгуевым. Мы часто с ним советовались, обсуждали наши научные планы, и он вникал во многие вопросы и был совершенно в рабочем состоянии практически до самого конца. Мы потеряли в его лице не только многолетнего друга и соратника, мы потеряли очень ценного научного сотрудника. Подчеркиваю, он был человеком науки до последнего дня. Есть такое понятие: организатор науки. Он был не только замечательным учёным, но и высочайшим организатором отечественной гуманитарной науки.

Рис. 1. Встреча с фронтовиком, академиком Е. П. Чельшевым в Институте Наследия

ПАМЯТИ АКАДЕМИКА Е. П. ЧЕЛЫШЕВА

Я сердечно благодарю за то, что меня пригласили принять участие в заседании памяти столетия Евгения Петровича Челышева, нашего дорогого академика, выдающегося учёного с мировым именем. Думаю, уместны какие-то личные воспоминания. Я познакомился с Евгением Петровичем по его инициативе, когда он позвонил мне, на мой домашний телефон, и сказал: «Слышал, что Вы занимаетесь Владимиром Соловьёвым, что у Вас вышла книжка. Я сейчас тоже пишу книжку о Соловьёве. Не могли бы Вы прийти и принести мне Вашу работу?» Конечно, я знал имя академика Челышева, знал о том, что он руководил организацией и работой Конгресса соотечественников в начале 1990-х годов. Это имя было легендарным, и поэтому я очень удивился, что столь маститый учёный вдруг заинтересовался моими исследованиями. Очень скоро мы встретились с ним в его квартире на 2-й Фрунзенской улице в Москве. Удивителен его интерес: с одной стороны, он часто отдыхал в санатории «Узкое», прежде имени князя Петра Трубецкого, где Владимир Соловьёв нередко гостил и где он провел последние недели своей жизни в июле 1900 года, и конечно, Евгений Петрович знал, что в этой усадьбе окончились дни великого русского философа. Наверное, они это обсуждали и с Дмитрием Сергеевичем Лихачёвым, с которым они там часто отдыхали, гуляли вместе. Отсюда и такой москвоведческий интерес, внимание к Узкому и его обитателям. Но есть и другая причина — выдающийся индолог, исследователь индийской культуры и поэзии Е. П. Челышев сопоставлял мотивы индийской поэзии и философской лирики Владимира Соловьёва. Я помню, он говорил об этом во время нашей первой встречи. И вышла книга в соавторстве с краеведом Михаилом Коробко «Усадьба Узкое и Владимир Соловьёв» (Москва: Наука, 2012)¹,

---

¹ Усадьба Узкое и Владимир Соловьёв [Текст] / Е. П. Челышев, М. Ю. Коробко ; Российская акад. наук, Науч. совет по изучению и охране культурного и природного наследия. — Москва : Наука, 2012. — 161, [3] с., [17] л. ил., портр.

где первый раздел вышел из-под пера именно Евгения Петровича. Это интереснейшая глава, глубокие рассуждения о творчестве В. С. Соловьева и его отражении в Серебряном веке и у потомков. Не скрою, мне было приятно увидеть ссылку на мою книгу «Соловьев и гностики». «Парадоксально, — пишет Е. П. Чельшев, — но имя В. С. Соловьева в России до сих пор не оценено должным образом. Памятник ему, заложенный в 2000 году в 100-летие со дня смерти во дворе Института философии на Волхонке, пока так и остался проектом... Ни одно из московских зданий, связанных с его жизнью и деятельностью, не отмечено мемориальной доской, а в 2006 году был снесен дом, находившийся на углу Остоженки и Лопухинского переулка, в котором родился Соловьев». Увы, с тех пор ничего не изменилось, разве что Институт философии переехал на Гончарную улицу, а закладной камень затерялся среди вечной стройки. Евгений Петрович подарил мне книгу с теплой дарственной надписью: «Дорогому Алексею Павловичу Козыреву с большой благодарностью за помощь в подготовке этой книги с пожеланиями доброго здоровья и новых самых больших достижений. Искренне Ваш Е. Чельшев. 27.2.2013», я храню ее в своей библиотеке как драгоценную память.

Стал приближаться 65-летний юбилей Великой Победы, 2010 год. Мы тогда с издательством «Праксис», с Иваном Фоминым, задумали издавать журнал современной философии «Сократ» и решили посвятить второй номер теме «Война. Память. Победа», разругавшись, кстати, со спонсорами, которые хотели, чтобы номер был посвящен другой теме. И я обратился к Евгению Петровичу с просьбой дать интервью, потому что он ветеран Великой Отечественной войны, он успел и летчиком повоевать, и потом выполнял функции переводчика с немецкого у высокого командования, и участвовал в 1945 году в Параде Победы старшим лейтенантом: он прошел, по сути, всю войну. А замысел номера был в том, чтобы философски осмыслить тему войны и победы, ну и дать какие-то свидетельства философов, участвовавших в войне. И вот, на страницах этого номера встретились два ветерана — Григорий Соломонович Померанц и Евгений Петрович Чельшев. Два совершенно разных взгляда на роль Сталина, на роль Ставки, на роль советского командования в этой войне, нашей готовности к войне. Нельзя сказать, что Е. П. Чельшев был сталинист, отнюдь нет. Но он был за то, чтобы историю войны описывать

объективно. И он даже, насколько я знаю, был руководителем коллектива большого проекта — написать многотомную историю Великой Отечественной войны. И вот эти два интервью были записаны, они получились несколько контрарными, но в то же время взаимодополняющими; это было последнее интервью Померанца, а Е. П. Чельшев, слава Богу, еще достаточно долго пожил, и после этого нашего интервью каждый год 9 мая я звонил Евгению Петровичу и поздравлял его с Днем Победы. И последний раз это было в 2019 году, когда я набрал его номер, он ответил, он узнал меня, он сразу же сказал: «Да, это наши друзья из МГУ, передайте привет Виктору Антоновичу Садовничему, я его очень уважаю, он меня намного моложе, но я его воспринимаю как человека своего поколения, потому что он тоже, что называется, стоит на последнем рубеже, он защищает нашу науку и наше образование». Для меня это было очень трогательно и волнительно, это был, по сути, завет Евгения Петровича. Удивительно, но в общении с ним меня поразила какая-то его демократичность: здесь не было академика, поставленного на пьедестал, которому при жизни «кадить», устанавливать памятники... Он совершенно спокойно общался, входил в общение с любым человеком — и аспирантом, и профессором. Таким он мне запомнился на 95-летию, которое он отмечал в Институте востоковедения Российской академии наук, куда его привезли уже на коляске, он еще был боевой, мог и тост произнести, и рюмку поднять, внушал здоровый оптимизм и задор! Благодаря профессору Валерию Николаевичу Расторгуеву, к сожалению, теперь тоже безвременно ушедшему в мир иной, я узнавал новости о Евгении Петровиче и все собирался навестить его в санатории, где он жил в последние годы. Трудно вспомнить все проекты Евгения Петровича, да я и не могу знать обо всех многосторонних аспектах его деятельности. Отмечу лишь некоторые: это и Совет РАН по изучению культурного и природного наследия, который он долгие годы возглавлял (и мне посчастливилось войти в качестве члена в этот Совет именно по приглашению Е. П. Чельшева), это и журнал «Русское зарубежье», выходивший в ИНИОН РАН, и огромное количество инициативных сборников, где он выступал главным редактором. Сборники были посвящены русскому зарубежью — комплексному анализу не только философии русского зарубежья, но и различным аспектам истории русской эмиграции — русской армии, геральдики и другим темам. Огром-

Рис. 1. Академик Е. П. Чельшев. 18 марта 2010 г. Фото А. П. Козырева

Рис. 2. Академик Е. П. Чельшев и А. В. Логинов – Полномочный представитель
Правительства РФ в Государственной думе РФ, в настоящее время –
статс-секретарь, заместитель Министра юстиции РФ.
18 марта 2010 г. Фото А. П. Козырева

Рис. 3–4. Академик Е. П. Чельшев и А. В. Логинов – Полномочный представитель Правительства РФ в Государственной думе РФ, в настоящее время – статс-секретарь, заместитель Министра юстиции РФ.
18 марта 2010 г. Фото А. П. Козырева

ную пользу принес Евгений Петрович русской культуре. Сегодня мы слово «польза» как-то упростили, приземлили, опошлили. Польза — это то, что набивает наш желудок и наши кошельки... Нет! В дореволюционной России было такое издательство «Общественная польза». Польза — это то, что способствует прогрессу, процветанию и умножению нации, представлению нашего народа в качестве великого народа в сонме других народов и других стран мира. И в этом смысле Е. П. Чельшев принес огромную пользу русской культуре, русскому народу, Академии наук, в которой он был академиком-секретарем Отделения долгое время. И поэтому мы будем хранить память о нем столько, сколько будем жить, и 9 мая обязательно будем в числе наших павших, в числе наших дедов, которые пали на войне, вспоминать и прожившего долгую и достойную жизнь воина, но тоже ушедшего от нас, и поэтому воссоединенного с нашими родителями — Евгения Петровича Чельшева.

ЕВГЕНИЙ ПЕТРОВИЧ ЧЕЛЫШЕВ: СВЯЗУЮЩЕЕ ЗВЕНО МЕЖДУ РОССИЕЙ И ИНДИЕЙ

«Любовь к Индии пронизывает всю мою жизнь», — часто говорил Евгений Петрович, и Индия, вне всякого сомнения, высоко ценит огромный вклад этого выдающегося ученого и общественного деятеля в развитие индологической науки в России, в укрепление культурного взаимодействия с нашей страной. Его имя в индийской академической среде до сих пор ассоциируется с выдающимися достижениями в области изучения индийских литератур, культуры и общественной жизни нашей страны. Мы все знаем, что Евгений Петрович Челышев является одним из выдающихся индологов России, перу которого принадлежат более сотни статей и более 15 книг по литературе и культурному наследию Индии.

Выходец из той части России (Ярославской и Владимирской губерний), которая издревле славилась талантливymi и способными людьми, Евгений Петрович продолжил эти традиции и стал достойным сыном своих предков. Его вклад в популяризацию русской литературы и культуры в Индии и налаживание разносторонних связей в сфере литературы и культуры между нашими двумя странами трудно переоценить.

Родившись в 1921 году, Евгений Петрович стал свидетелем многих знаковых событий советской и постсоветской России, лично участвовал в них: на фронтах Великой Отечественной войны, затем в качестве ученого и общественного деятеля с активной гражданской позицией, и, наконец, действительного члена Российской академии наук и талантливого организатора науки. Его военная карьера начиналась в летной школе в военном городке Сеца в центральной части европейской России. После окончания школы он сразу же был направлен на фронт, где мужественно сражался с немецко-фашистскими захватчиками вплоть до почти самого окончания войны. За проявленную доблесть

и мужество он был награжден двумя орденами Красной Звезды, орденом Отечественной войны II степени и медалью «За боевые заслуги».

Его знакомство с языками и культурой Индии началось, когда он поступил на восточное отделение Военного института иностранных языков Советской Армии. Любовь к гуманитарной науке, иностранным языкам и культуре молодой Евгений Петрович, выходец из купеческой семьи, по всей вероятности, унаследовал от своей матери Клавдии Михайловны. Из биографии Евгения Петровича, составленной его сыном, Дмитрием Чельшевым, мы узнаем, что Клавдия Михайловна была разносторонне образованной, интеллигентной женщиной, хорошо владевшей немецким и французским языками, что позволило ей после революции 1917 года работать в крупнейших московских издательствах. По словам Дмитрия Чельшева, «Клавдия Михайловна сыграла огромную роль в формировании личности Евгения Петровича, в становлении его мировоззрения, она привила ему любовь к книгам, чтению, своим примером научила жизненной стойкости, целеустремленности, правдивости и честности»¹. После успешного окончания института он продолжил свою академическую деятельность в том же институте вначале как аспирант, а потом как сотрудник.

Вскоре Евгению Петровичу была поручена ответственная миссия возглавить кафедру индийских языков. Не будет преувеличением сказать, что большую часть своей жизни он посвятил установлению и развитию академических и культурных связей между Индией и Россией. Огромный вклад Евгений Петрович внес в развитие индологии как заведующий отделом литератур Востока Института востоковедения Академии наук СССР и как заведующий кафедрой восточных языков Московского государственного института международных отношений. Научные труды и заслуги Евгения Петровича были оценены по заслугам: он был избран действительным членом Академии наук и затем академиком-секретарем Отделения литературы и языка. Работая в этой должности, Евгений Петрович приложил максимум усилий для дальнейшего развития и укрепления культурного сотрудничества

---

¹ «Одиссея» академика Евгения Петровича Чельшева / Составители Д. Е. и А. Д. Чельшевы. — М. : Институт Наследия, 2020. — С. 24.

с Индией. По данному поводу индолог Анна Суворова, руководительница отдела восточных языков Института востоковедения РАН, отмечает, что «подлинным “местом силы» в научной деятельности Евгения Петровича, областью, где он совершил настоящий прорыв, является индологическое литературоведение, создание школы изучения современных индийских (шире — южноазиатских литератур). До него подобной школы с преимуществом тем, проблематики, методов исследования и механизмов передачи знания в нашей стране просто не существовало»². Таким образом, новая и новейшая индийская литература впервые была представлена как единое целое.

Главным образом он занимался литературой хинди, тесно сотрудничая и общаясь со многими известными писателями и поэтами, творившими на этом языке. Его перу принадлежат такие труды по литературе хинди, как «Современная поэзия хинди», «Стихи индийских поэтов», и книги, посвященные творческой деятельности поэтов Сурьяканта Трипатхи Ниралы и Сумитранандана Панта.

Евгений Петрович внес большой вклад в сферу сравнительного изучения литератур, что, безусловно, требовало обширных и глубоких познаний в области анализируемых литератур, культурных традиций и менталитета народов двух стран. В своих уже ставших классикой книгах «Современная индийская литература» и «Индийская литература: вчера и сегодня», он четко охарактеризовал механизм взаимодействия и взаимовлияния литератур разных стран, описал процессы их адаптации, обращая особое внимание на типологические сходства. Более того, он детально проследил процесс рецепции русской классики в литературе народов Индии. Что касается меня лично, то эти изыскания очень помогли мне лучше понять и осмыслить процесс межлитературного влияния и взаимодействия.

Евгений Петрович был очень глубоко знаком с творчеством известных русских писателей, поэтов и мыслителей. Его глубокий научный интерес к культурному наследию своей страны органическим образом сочетался в его научном поиске с творческим осмыслением духовного и культурного наследия Индии. По его

---

² «Одиссея» академика Евгения Петровича Чельшева / Составители Д. Е. и А. Д. Чельшевы. — М. : Институт Наследия, 2020. — С. 48.

словам, в своем мировосприятии, в своих духовных ориентирах он находился под сильным влиянием величайших индийских умов прошлого — Калидасы и Тулсидаса, Галиба — и современности, особенно Свами Вивекананды, Рабиндраната Тагора и Сурьяканта Трипатхи Ниралы³.

Евгений Петрович много времени посвятил изучению русской литературы и культуры в контексте сопоставительного анализа литератур России и Индии. Трудясь в Российской академии наук, он немало сделал на этом поприще.

Многие его работы этого периода посвящены проблемам современной российской культуры, роли культурного наследия и традиций русской духовности в жизни страны. Многие его труды по этой проблематике вошли в трехтомное собрание работ, изданных российским академическим издательством «Наука» в 2002 году. В период подготовки и проведения 200-летия со дня рождения национального поэта России, Александра Сергеевича Пушкина, он был избран членом Государственной юбилейной Пушкинской комиссии. Совместно с директором Библиотеки иностранной литературы он инициировал публикацию поэзии А. С. Пушкина в переводе на разные языки народов мира. Особо следует отметить в этой связи его неопределимый вклад в исследование такого явления, как межлитературный синтез, нашедший свое воплощение в коллективном сборнике «Пушкин и мир Востока». Во многом благодаря его усилиям вышел в свет научный сборник, посвященный творчеству Рабиндраната Тагора в рамках подготовки и проведения 100-летия со дня рождения этого подлинно национального поэта и писателя Индии в шестидесятых годах XX века. Благодаря его усилиям в 1991 году в парке Дружбы в Москве был установлен памятник этому великому сыну Индии.

Беспредельная любовь к России и Индии, всегда присущая ему с самых ранних лет, пылливость и страсть к познанию неизведанного, энтузиазм и поистине юношеский задор, свойственные Евгению Петровичу до самых последних дней жизни, позволили существенно обогатить индийско-российское сотрудничество в сфере науки и культуры.

---

³ *Чельшев Е. П.* Россия — Индия: звездный час любви // *Культура и время.* — № 4 (34). — 2009. — С. 247.

Мое воспоминание

К Евгению Петровичу я всегда испытывала чувство глубокого уважения. Конечно же, его заслуги в сфере развития индологии в Советском Союзе и России неоспоримы. Но дело даже не только в этом — я всегда высоко ценила его подлинный профессионализм, гуманное и доброжелательное отношение к окружающим.

Впервые я встретила с Евгением Петровичем, когда по совету моего научного руководителя из Российского университета дружбы народов посетила Институт востоковедения в 1987 году. Для моей диссертационной работы по сопоставительной литературе мне необходим был второй научный консультант, специализирующийся в сфере индологии. Евгений Петрович тогда был заведующим отделом литератур народов Востока. При первой встрече он поразил меня своими обширными и глубокими знаниями об Индии, эрудицией в области индийской литературы и культуры. Поэтому, когда он предложил мне перейти в Институт востоковедения в аспирантуру, я тотчас с радостью согласилась. Мне не довелось писать диссертацию под его непосредственным руководством, но все же он всегда интересовался моей исследовательской работой, с готовностью помогал советом. Он даже, несмотря на свою занятость в Академии наук, выкроил время, чтобы возглавить комиссию диссертационного совета, когда я защищала диссертацию. Последний раз я встретила с ним в 2017 году в пансионате Российской академии наук, где он последние годы жил по состоянию здоровья. Он, как всегда, встретил меня с большой теплотой. Благодаря своей феноменальной памяти он говорил о всех своих значительных работах, вспоминал встречи, мероприятия, связанные с Индией, даже называл точные даты. И на этот раз, как всегда, в его словах отражалась беспредельная любовь к Индии и индийской культуре. Было предельно ясно, что его неважное физическое самочувствие не смогло подорвать его моральный дух. Он говорил с таким же энтузиазмом, как и прежде.

Я имела честь присутствовать на некоторых формальных и неформальных встречах в доме Чельшевых, которые оставили неизгладимый след в моей памяти. Однажды на таком вечере присутствовали представители Миссии Рамакришны. Само собой разумеется, я очень обрадовалась новому знакомству, тем более что увидела жителей своего родного города Калькутты. Именно

тогда я узнала об огромном интересе Евгения Петровича к учению Свами Вивекананды.

Это было в начале 1990-х годов, в период после перестройки, когда жители России на фоне распада социалистического строя и краха материалистической идеологии пытались найти опору в своем наследии прошлого, в том числе и в религии. Россия, также как и Индия, представляет собой конгломерат различных этнических групп и культур. В процессе же развития религиозного сознания сегрегация этих групп стала усиливаться. Стал все более отчетливо обозначаться конфликт на почве религиозных и этнических несовпадений. Пусть даже не всегда, но в некоторых случаях этот конфликт возникал из-за неверного толкования основных постулатов религии. В этом, по сути дела, не было ничего удивительного: для многих, воспитанных в атеистическом обществе, религия была совершенно новым явлением. Поэтому для многих она стала скорее модой, чем средством духовного развития.

Знаменательно, что в эти трудные времена Евгений Петрович пытался довести до широкого российского читателя философию Вивекананды. Он раньше многих других обратил внимание на многие аналогичные черты в духовной культуре и общественной жизни России и Индии, совпадение акцентов на общечеловеческих ценностях в мировоззрении известных русских и индийских мыслителей и общественных деятелей. Это во многом послужило основой для возрождения интереса в России к вековой индийской духовности, культуре и творчеству ее выдающихся мыслителей.

Общество Вивекананды или Общество Рамакришны — Центр Веданты было основано в Москве в 1991 году с целью популяризации философских взглядов основателя монашеского Ордена Рамакришны. Есть сведения, что незадолго до смерти великий русский писатель Лев Николаевич Толстой говорил о том, что хотел бы опубликовать в России избранные произведения Вивекананды. Отчасти мечта Толстого была воплощена в жизнь Евгением Петровичем и его коллегами благодаря публикации «сборника Сарасвати». Включённые в эту книгу статьи не только проливают свет на основные положения философии Вивекананды, но и предлагают вниманию читателя первые переведенные работы Вивекананды на русский язык генералом Яковом Кузьмичом Поповым, которые привлекли особое внимание знатных персон России. Евгений Петрович был назначен вице-президентом Комитета по всесто-

ронному изучению движения Рамакришны Вивекананды. Говоря о практической Веданте Вивекананды, Евгений Петрович отмечает: «Слово его звучит сегодня удивительно современно и, что очень важно, оно созвучно нашим собственным умонастроениям. Нам близки его поиски путей возрождения былого величия Индии, так как сами мы сегодня стремимся очистить свое историческое сознание, найти в нашем прошлом, в народной мудрости животворные источники, которые могли бы помочь нам проложить дорогу к лучшему будущему. Чрезвычайно важны и актуальны для современного мира мысли Вивекананды об общечеловеческих моральных ценностях, содержащихся в различных религиях, служащих источником сближения людей, его призывы к борьбе против оккультизма, против реакционного традиционализма, против предрассудков и суеверий, на почве которых возникают сегодня религиозные, расовые, национальные конфликты»⁴.

Глубокая вера и огромное уважение Евгения Петровича к индийскому мыслителю Вивекананде находят отклик в следующем высказывании: «Мы можем с уверенностью сказать, что пройдет много лет, многие поколения придут и уйдут, Вивекананда и его эпоха станут далеким прошлым, но не померкнет память о человеке, который всю свою жизнь жил с мечтой о светлом будущем своего народа, который так много сделал для того, чтобы просветить своих соотечественников и продвинуть Индию вперед, чтобы защитить свой многострадальный народ от несправедливости и жестокости»⁵.

Обращение к духовному наследию Вивекананды для Евгения Петровича не было сиюминутной данью времени. Интерес к творчеству великого индийского мыслителя возник у него давно, еще в те времена, когда в Советском Союзе увлечение религиозными идеями далеко не приветствовалось. Возможно, здесь сказалось влияние его деда по материнской линии — Соколова Михаила Арсеньевича. Вспоминая о нем, Евгений Петрович отмечал: «Он был глубоким религиозным человеком. В его вере в Бога не было ничего показного, она пронизывала все его существо, являясь для него главным жизненным ориентиром, определяла его нравственные

---

⁴ «Времен связующая нить». — М.: Наследие, 1998. — С. 614–615.

⁵ The First Touch to Vivekananda. Chapter-2 in My life journey to India. — Moscow: Nauka, 2002. (Перевод мой. — Р. Б.)

позиции»⁶. Можно предположить, что именно такое разумное отношение ко всему окружающему Евгений Петрович унаследовал от своих предков, что во многом способствовало глубокому проникновению в самую суть духовных и религиозных ценностей Индии.

Этот неподдельный интерес побудил его в далеком 1956 году встретиться в Дели с главой столичного отделения Миссии Рамакришны Свами Ранганатханандой. Это общение, по словам Евгения Петровича, помогло русскому индологу «понять особенности индийской духовной культуры, оценить тот вклад, который внесли в нее Свами Вивекананда и его учитель Шри Рамакришна»⁷. Более того, эта встреча проложила путь к началу диалога между духовенством России и Индии. По инициативе Евгения Петровича Свами Ранганатхананда был приглашен в Институт востоковедения в 1961 году, где он выступал и общался с научными сотрудниками. Вторично Свами Ранганатхананда посетил Советский Союз по приглашению Евгения Петровича в середине 1980-х годов.

Своего рода кульминацией этих контактов стал 1988 год, когда Россия праздновала 1000-летний юбилей принятия христианства на Руси. На торжественные мероприятия были приглашены многие религиозные лидеры со всего мира, но единственным индусским миссионером в их числе был тогдашний секретарь Миссии Рамакришны Калькутты Свами Локешарананда, прибытие которого в Советский Союз организовал Евгений Петрович. В рамках этого визита по его же инициативе в Агентстве печати «Новости» был организован круглый стол, в формате которого представитель Миссии Рамакришны обсудил с российским митрополитом Ленинградским и Новгородским, будущим Патриархом Всея Руси Алексием II, самый насущный вопрос для России того времени — роль духовности в объединении людей. Выбор собеседника был не случаен — ведь Миссия Рамакришны провозглашает мысли Вивекананды об универсальных нравственных ценностях различных мировых религий, способных сблизить людей; при-

---

⁶ «Одиссея» академика Евгения Петровича Чельшева / Составители Д. Е. и А. Д. Чельшевы. — М. : Институт Наследия, 2020. — С. 31–32.

⁷ Там же. С. 68.

зывает к борьбе против предрассудков и суеверий, которые чаще всего становятся источником религиозных, расовых или национальных конфликтов. Надо признать, что Евгений Петрович чутко уловил необходимость донесения до граждан своей страны этих универсальных ценностей в напряженный период этнического раскола в мультикультурном обществе России.

Что же именно так импонировало Евгению Петровичу в философском осмыслении веданты Свами Вивеканандой? Прежде всего, решительное осуждение религиозного фанатизма и кастовой системы, пламенный призыв к людям полагаться на свои собственные силы, не надеясь на божественное провидение для достижения лучшего будущего, настойчивый призыв индийского мыслителя к экономическому равенству, образованию и экономическому развитию. Все это было глубоко созвучно тому, какой хотел бы видеть Евгений Петрович современную Россию.

Неудивительно, что Евгений Петрович Челышев был заслуженно награжден престижной премией Вивекананды в 1989 году. Но это была далеко не единственная награда за его поистине подвижнический труд. В 1967 году ему была присуждена премия имени Джавахарлала Неру, он был избран почетным членом литературной академии Индии, членом бюро Индийского философского общества и Азиатского общества. Много лет он возглавлял Общество российско-индийской дружбы. А кроме того, что особенно важно, он стал одним из немногих иностранцев, которого в Индии в 2002 году удостоили одной из высших правительственных наград — Падма Бхушан (орден Лотоса).

Рис. 1. *Моя последняя встреча с Евгением Петровичем Челышевым*

Хотелось бы сказать еще об одном. Тяжелейшие испытания, выпавшие на долю Евгения Петровича в годы Великой Отечественной войны, должно быть оставили неизгладимый отпечаток в его сознании и мироощущении. Они научили его

лучшему пониманию сути и значения жизни. Судя по его трудам, он отчетливо осознал, что никакое общество не может развиваться в изоляции, отделяя себя от прошлого, отделяя себя от окружающего мира. Подобно многим мудрецам он понял, что ничто в мире не происходит случайно и каждое событие, каждый шаг и поступок оставляют глубокий след в личности человека. Он глубоко верил в то, что все в этом мире взаимосвязано и поэтому столь важна связь времен, преемственность поколений, что является предпосылкой всех перемен, которые происходят в жизни. Он верил в то, что «благодаря преемственности, памяти, перетекающей через поколения, все, что утрачено в отношениях Индии и России, — восстановится, и Россию и Индию на новом этапе их совместной истории ждет новый звездный час»⁸.

Пусть ученики и последователи Евгения Петровича в Индии и России реализуют высказывание этого выдающегося индолога, и в индийско-российских отношениях настанет звездный час.

---

⁸ Культура и время. — № 4 (34). — 2009. — С. 249.

О ЕВГЕНИИ ПЕТРОВИЧЕ ЧЕЛЫШЕВЕ

Я не могу сказать, что принадлежал к кругу друзей Евгения Петровича Челышева: сказывались и разница в возрасте, и различные специализации. Прошли времена, когда востоковеды могли заниматься чуть ли не всеми проблемами, касающимися изучаемых стран, которые к тому же у нас были разные: он занимался Индией, я — Японией. Евгений Петрович начинал как языковед, этому была посвящена его давняя (1952 год) кандидатская диссертация. Однако он затем окончательно переключился на литературу. А я всегда был языковедом. Но в академическом институте, который в те времена назывался сначала Институтом востоковедения, потом Институтом народов Азии, потом снова Институтом востоковедения, Е. П. Челышев был очень заметной фигурой.

Когда я в 1968 году поступил в аспирантуру отдела языков этого института, он уже заведовал отделом литератур и имел докторскую степень. Его бас постоянно звучал в коридорах и на лестничных площадках, а его могучая фигура сразу бросалась в глаза. Впервые я познакомился с ним еще в конце моего первого аспирантского года, когда в Москву приехал видный французский японист старой школы Шарль Агеноэр. Я как самый молодой и еще не разучившийся говорить по-французски (учил язык в университете как второй) был прикреплен к нему, водил по Москве, в научные центры и музеи. Встречали его в Шереметьево японист Н. А. Сыромятников, зав. иностранным отделом института Веселов, Евгений Петрович и я. Когда мы ехали из аэропорта в город, иностранный гость удивлялся малому, по его мнению, количеству автомобилей на шоссе. Мне же, тогда еще не бывавшему за границей дальше Польши, казалось, что их, наоборот, очень много. Однако ученый оказался слишком уж традиционен и погружен в средневековые памятники, и Е. П. Челышев потерял к нему интерес.

Потом пришлось много общаться с Евгением Петровичем на следующий год, когда хоронили академика Н. И. Конрада, также работавшего в отделе литератур. Вся официальная процедура

держалась на Е. П. Чельшеве, было видно, как он умел всё организовать. Гражданская панихида в Институте и погребение на Новодевичьем кладбище прошли на высоком уровне. Но было еще обстоятельство, не так частое в то время: отпевание в церкви Ризоположения, рядом с домом, где жили многие академики, включая Конрада: ее некоторые называли собственным храмом Академии наук.

А потом еще через три года в Париже состоялся очередной Международный конгресс востоковедов. За год до этого благоволивший ко мне (к тому времени уже сотруднику Института и кандидату наук) зам. директора В. М. Солнцев включил меня в оргкомитет, готовивший поездку советской делегации. Я должен был заниматься разного рода черновой оргработой в обмен на возможность поездки туда в составе так называемой туристической группы (по тогдашним правилам, делегация ехала бесплатно, а туристическая группа платила). Целый год я батрачил, воспринимая это как должное. Мои знакомые не верили в возможность такой поездки, но она состоялась. Руководителем тургруппы был Евгений Петрович.

Мы прибыли в Париж как раз 14 июля 1973 года. Прямо с самолета нас повезли на Эйфелеву башню. Я был самым молодым и хотел вечером организовать компанию, чтобы пройти до площади Бастилии, но старшие коллеги после целого дня экскурсий устали и не пошли, и мы сидели перед парижской мэрией, смотря на праздничную толпу и слушая разрывы петард. Мой доклад прошел не слишком удачно, но я познакомился с некоторыми западными учеными, в том числе с Д. Синором, лидером мировой алтаистики. И Париж, конечно, был Париж (в следующий раз я туда попал лишь почти через тридцать лет). Гулять было положено только группой, но я всё же иногда сбегал с заседаний и ходил в одиночку. Однажды на Елисейских полях я встретил Е. П. Чельшева, который тоже гулял в одиночку, возвышаясь над толпой, мы поздоровались и пошли своими дорогами.

Но не всё было так мирно. В гостинице в мое отсутствие какие-то представители власти изучали мой чемодан и сломали замки, во мне ввиду моей тогдашней молодости, видимо, подозревали агента КГБ. Чтобы доехать с испорченным чемоданом до Москвы, пришлось его обвязывать веревками. И во время нашего пребывания в Париже произошла попытка угона самолета;

поэтому, когда мы уезжали, нас проверяли исключительно строго, каждый дважды проходил через контроль. В нашей группе был немолодой бурятский ученый, который вез домой большую куклу; ажан заподозрил, что у человека неевропейской внешности внутри куклы есть нечто незаконное, и приготовился резать ее ножом. Бурят издал необычный горловой звук, полицейский испугался, и кукла уцелела. Думаю, что Евгению Петровичу как старшему (делегация и тургруппа почти не общались) приходилось не раз нервничать.

Потом мы постоянно встречались с Е. П. Чельшевым по разным поводам. Много говорили в Институте о событиях в отделе литератур. Тогда он, как и отдел языков, был еще многочислен, еще ставилась цель охвата всех основных литератур Азии и Северной Африки (как и в моем отделе старались изучать все основные языки). Но, как всегда, у людей бывает много амбиций, и их борьба была особенно заметной в отделе литератур. Во всяком случае, об этом говорили, и было очевидно, что единство отдела держится на Евгении Петровиче. Рассказывали, что два видных немолодых сотрудника отдела с докторскими степенями отказывались общаться друг с другом. Но постоянно им надо было контактировать, хотя бы в связи с коллективными работами, которых было немало в отделе. И тогда один садился на одной стороне стола, второй — на другой, между ними занимал место Евгений Петрович, и разговор шел по цепочке. Когда Чельшев в 1988 году ушел из Института с повышением, то эквивалентной замены, пожалуй, не нашлось, а отдел за прошедшие годы уменьшился в несколько раз.

Мои контакты с Е. П. Чельшевым после 1988 года не прекратились. Он стал академиком-секретарем академического отделения литературы и языка. Здесь в лучшие свои годы он был, безусловно, на месте. Годы его руководства отделением были нелегкими для нашей науки и для Академии наук. В 1991–1992 годах многие ждали полной смены всей системы организации науки в России. Помню, как на собрании в Институте востоковедения один из выступавших кричал, что Академию спасти уже нельзя и остается только спасти Институт. Там же развивали идею превратить Институт в некий фонд, то есть в частное владение одного из сотрудников, в котором было обещано всем повысить зарплату; спасло Институт лишь то, что у приватизатора не хватило денег. Вместе с этим проектом стала популярной идея передать всю

науку в университеты по западному образцу. А были и такие, кто хотели перечеркнуть все гуманитарные науки, существовавшие в СССР, как «тоталитарные». Евгений Петрович был консерватором в хорошем смысле слова и, безусловно, много сделал для сохранения существовавших традиций, часто вполне плодотворных. Филологическая часть Академии пострадала не так сильно.

Сохраняя традиции в организации науки, в исследовательской деятельности Е. П. Чельшев неожиданно сменил тематику. Ранее он занимался индийской литературой XX века, а теперь его увлекла русская эмиграция 1920–1930-х годов. У него появились публикации на эту тему, в том числе большая книга, изданная в 2002 году. Ранее у нас тема эмиграции не была в почете и по внешним, и по внутренним причинам, и одним из первопроходцев здесь стал Е. П. Чельшев.

Евгений Петрович был здоровым, полным жизни человеком, и физически держался долго. Отмечали в отделении его юбилеи: 80, 85, 90, 95 лет. Он, уже не занимая официальных постов, старался ходить на заседания, где часто выступал. Но годы брали своё. Потеряв жену, он добровольно переехал в пансионат для учёных на окраине Москвы.

Помню последнюю встречу с Евгением Петровичем в пансионате 11 декабря 2019 года. Ему уже исполнилось 98 лет. Незадолго до этого состоялись очередные выборы в Академию, и он очень хотел из первых рук узнать, как они проходили. По-прежнему он не хотел сдаваться и активно интересовался происходящим.

Вечная ему память.

ЕВГЕНИЙ ПЕТРОВИЧ ЧЕЛЫШЕВ: К 100-ЛЕТНЕМУ ЮБИЛЕЮ

Евгений Петрович Чельшев... Выдающийся ученый, академик, в течение многих лет глава Отделения литературы и языка РАН, востоковед-индолог, доктор филологических наук, профессор, писатель, защитник русского языка (член Совета по русскому языку при Президенте РФ), кадровый офицер, ветеран войны, боевой летчик... Множество званий, российских и зарубежных наград, плеяда блестящих учеников. Долгая, яркая, красивая жизнь...

Евгений Петрович Чельшев планировал отмечать у нас в Институте востоковедения РАН, где он проработал много лет, свой 100-летний юбилей. В ноябре 2016 года на Ученом совете мы замечательно отпраздновали его 95-летие: с музыкой, стихами, множеством гостей, прекрасными выступлениями его коллег и друзей. Сама я познакомилась с Евгением Петровичем Чельшевым много лет назад, впервые увидев его на общем собрании РАН. Среди многих ораторов, выступавших на злободневные темы, Евгений Петрович резко выделялся неординарным видением проблемы, эрудицией, цитированием стихов. Как настоящего патриота, Евгения Петровича всегда волновала судьба российской науки. Помню его выступление в ответ на новую реформу многострадальной российской науки и РАН: свою горячую проникновенную речь — грамотную и по существу — Евгений Петрович закончил известными стихами: «О чем шумите вы, народные витии? Зачем анафемой грозите вы России?»

Когда в Институте мы задумали наш проект «Война и память», для меня одним из главных участников сразу стал Евгений Петрович Чельшев. Подойдя к нему на очередном заседании ОИФН РАН и переговорив о сути и целях нашего проекта (интервью с участниками Великой Отечественной войны, блокадниками, участниками трудового фронта), я волновалась — боялась, что такой человек мне откажет, не найдет, в силу огромной занятости, свободного времени. И как же я была ему благодарна, когда мне

удалось записать много часов наших с ним бесед о жизни, о войне, о науке, о востоковедении... С Евгением Петровичем мы оказались соседями (жили рядом на Фрунзенской набережной), он встречал меня в своей уютной старой квартире, заставленной огромным количеством книг, подарками от многочисленных иностранных друзей, чудесной коллекцией народных кукол. Помимо своих разносторонних талантов, Евгений Петрович был музыкантом, пел и прекрасно играл на мандолине. Жалею только об одном — показывая мне инструмент, он каждый раз обещал поиграть и каждый раз, уставший после нескольких часов интервью, не успевал этого сделать.

Евгений Петрович происходил из старинной интеллигентной купеческой семьи. Его предки по отцовской линии были купцами, людьми глубокой традиции. Дед, купец второй гильдии Семен Глебович Чельшев, брал подряды на строительство многих известных зданий в Москве. Доподлинно известно, что он был главным подрядчиком строительства так называемого Царского павильона на Всероссийской художественной выставке в Москве. Она была торжественно открыта в Москве в 1882 году. Целый район, в строительстве которого он также принимал участие, назывался его именем, Чельшевка, и там же находился их дом, где в октябре 1921 года родился сам Евгений Петрович. Это Замоскворечье, на берегу Москвы-реки, около Устьинского моста. Рядом находились два рынка, один из них — известный тогда Хитров рынок, где с утра до вечера шла бойкая торговля, музыканты играли на гармошках, пели. Видя и слушая их, Евгений Петрович впитал в себя русскую народную культуру, которую он любил и защищал всю жизнь.

Отец Евгения Петровича рано умер. Его воспитывали мама Клавдия Михайловна и дедушка с бабушкой по материнской линии. Все они — глубоко верующие и прекрасно образованные люди — сыграли большую роль в судьбе рано осиротевшего Евгения Петровича. Потеряв все после революции, изгнанные из своего собственного дома дедушка с бабушкой снимали комнату на даче под Москвой, где каждое лето с ними проводил Евгений Петрович. Жили бедно и трудно. Мама, будучи интеллигентной, окончившей гимназию женщиной, много работала, чтобы содержать большую семью. Отец Евгения Петровича женился на Клавдии Михайловне уже вдовцом, имея от первого брака четверых

детей. Старшие сын и дочь были самостоятельными, взрослыми людьми, успевшими повоевать на фронте против немцев в Первой мировой войне. Клавдии Михайловне пришлось воспитывать его двоих младших детей семи и девяти лет. Ее основным местом работы был Госиздат, где она встречалась с писателями, заключала договоры. Клавдия Михайловна много занималась с Евгением Петровичем, он получил прекрасное домашнее образование, изучал с ней поэзию, музыку, литературу, иностранные языки.

Евгений Петрович вспоминал: «Первый мой источник — это домашняя культура: мать, дядя Ваня, бабушка, старший брат, которые дали мне высокую интеллектуальную культуру, книжную культуру, особенно мать. Я уже в десять лет прочитал “Войну и мир”... Они направляли мое движение, мое развитие, образование, и общение с ними на чистейшем русском языке, не засоренным ничем, было очень важным для меня... Я всегда очень остро чувствовал всю фальшь, связанную с русистикой, с русским языком»¹.

Клавдия Михайловна обучала сына немецкому языку. Иногда они и дома говорили по-немецки. Удивительно, но в дальнейшем именно немецкий язык полностью изменил судьбу Евгения Петровича и даже спас ему жизнь. Он рассказывал, что «мама ведь и французский язык хорошо знала. А учила меня именно немецкому, и это пригодилось мне на фронте, меня сняли с полетов и отправили в штаб допрашивать пленных немецких летчиков и изучать аэродромы противника»².

Поступив в 1939 году в институт, Евгений Петрович не смог продолжить обучение. Началась Советско-финляндская война, и он был призван в армию в летное училище. Его служба проходила на знаменитой станции Сеща под Брянском, там находился огромный аэродром и летное училище ШМАС (Школа младших авиаспециалистов), где в основном готовили сержантский состав. Чтобы получить два кубика лейтенанта, надо было проучиться два года, но их учили только восемь месяцев, ускоренно, и получали они два треугольника — звание сержанта. Евгений Петрович рассказывал: «Мы были стрелки-радисты на бомбардировщиках, по-

---

¹ Война и память / Авт.-сост. Н. Г. Романова. — М. : ИВ РАН, 2019. — С. 15.

² Там же. С. 16.

тому что бомбардировщиков сделали тысячи, и нужно было посадить туда стрелка-радиста. Он сидел в хвосте, стрелял из пулемета и поддерживал связь. А летчик и штурман — это уже командиры. Была осень 1939 года. Только потом я стал понимать, почему вместо лейтенантов, у которых двухлетний срок обучения, мы получили за 8 месяцев учебы сержантские звания. Надо было срочно готовить армады бомбардировщиков. У нас было в два раза больше перед войной бомбардировщиков, чем у Германии. Юнкерсы, мессершмитты у них, а у нас СБ, скоростные бомбардировщики. Их стали выпускать перед самой войной, они впервые появились на первомайском параде 1941 года, буквально за два месяца до войны. Они назывались Пе-2, [авиаконструктор] Петляков. Пикирующий бомбардировщик».

Евгений Петрович закончил училище в мае 1940 года. Сохранилась фотография, где запечатлен весь их выпуск. Новоиспеченных сержантов распределили в 140-й скоростной бомбардировочный полк. Начались тренировочные стрельбы по конусам — когда один тащит натянутый конус, а другой по нему строчит из пулемета (конус изображает истребитель, который нападет). Кроме того, была стрельба из винтовок и сильная физподготовка. Евгений Петрович всегда с увлечением занимался спортом — бегом, плаванием... Армия многое дала ему в части дисциплины, самоподготовки, выносливости. Евгений Петрович был «значкистом»: имел физкультурный значок, значок БГТО («Будь готов к труду и обороне») и «Ворошиловский стрелок». Он с гордостью рассказывал, что еще мальчишкой ходил в тир, стрелял из малокалиберных винтовок. В дальнейшем, во время войны ему это очень помогло.

Рис. 1. Евгений Чельшев, стрелок-радист самолета СБ. Из семейного архива Д. Е. Чельшева

Рис. 2. Евгений Чельшев с фронтовым другом Георгием Лазаревым. Аэродром Сеца. 1941 г. Из семейного архива Д. Е. Чельшева

Евгений Петрович был зачислен в пятую эскадрилью. Рассказывая о ней, он с удовольствием вспоминал, что в известном советском военном фильме «Вызываем огонь на себя», по его мнению, была изображена Сеца, их авиационная школа, авиабаза, где стояли полки. Этот аэродром был захвачен немцами в самом начале войны, с него они летали бомбить Москву. Там везде рядом с аэродромом, как и в картине, тоже росли березовые рощи. А героические местные девушки подкладывали мины под немецкие самолеты. Об их подвиге и был снят этот фильм.

В эскадрилье Евгений Петрович был секретарем комсомольской организации. Музыкально одаренный, он собрал

«поющую эскадрилью». С друзьями они достали музыкальные инструменты, играли и пели на сцене. Евгений Петрович играл на мандолине, а друзья — на гитаре и баяне. И во всеми нами любимом фильме «В бой идут одни “старики”», по мнению Евгения Петровича, была показана их «поющая эскадрилья».

На мой вопрос: «Как для вас началась война?» Евгений Петрович ответил, что «все мы знали, чувствовали, что война вот-вот начнется, все абсолютно в это верили. На нашем аэродроме Сеца стали в огромном количестве садиться, заправляться и лететь дальше к западной границе все наши новейшие советские самолеты: Су-2, Ил-2, Пе-2... Авиация начала активно сосредотачиваться на наших западных границах. Помимо этого, начались бесконечные тревоги, и днем и ночью выли сирены, и по тревоге мы все должны были вскочить и бежать на аэродром, к своим самолетам, около километра. Нужно было расчехлять самолеты, готовить их к вылету и ждать. Но это пока еще была учебная тревога. Затем пошли

слухи о том, что немцы нарушают границы, потому что все время передавали о пограничных перелетах их самолетов. Знали, что они могут появиться в любой момент где-то здесь. А мы находились от границы на большом расстоянии. Сначала до Смоленска, от Смоленска до Минска, от Минска до Гродно — это большой путь до границы».

Это был май 1941-го года. До начала войны оставался месяц.

Евгений Петрович очень интересно описывал события первых дней войны: «22 июня мы никуда не вылетали. Нам сказали из казармы никуда не уходить, всем ложиться спать — отбой, ждать. То есть мы в бой не вступали. А все новые самолеты, которые стоят на сечинском аэродроме... там идет бомбежка, они уже все там горят. Немцы уничтожают с воздуха наши невзлетевшие самолеты... они все там сгорели! Их разместили на приграничных аэродромах, и всех их немцы сожгли в первый же день, в первую бомбежку, которая была. На другой день застрелился командующий авиацией Западного фронта генерал-майор авиации Копец³. Это был совершенно молодой парень, который воевал в Испании и получил там Героя.

На следующий день из казармы мы тоже далеко не выходили. Собирались, рассказывали друг другу, делились. Кто-то говорил, что на Сещу идет большая колонна немецких самолетов, кто-то пустил слух, что есть огромный немецкий аэродром, где стоят сотни самолетов, сверху их разбомбить ничего не стоит, и можно было бы долететь, потому что это не так далеко. Но мы все ждем, а никакого движения нет. И вот 24-го утром, часов в шесть, солнце поднялось, приказ — построение, и на аэродром — готовиться к вылету. А все остальные, как мы, кому самолета не хватило, “безлошадники”, едут эшелонам. Но сначала надо проводить самолеты. Выкатываем их все... Это запомнилось на всю жизнь. Весь наш полк, за исключением “безлошадников”, в основном был укомплектован, а я с немногими остался.

Мне очень повезло, что я тогда остался. Жив остался. Тут “живые” и “мертвые”, как у Константина Симонова в романе. Вот здесь стоят “живые”, а это уже “мертвые”, мы разделились так, кто улетает на смерть, а кто остается, как черта прошла.

---

³ Копец Иван Иванович (1908–1941) — летчик-истребитель, генерал-майор авиации, командующий ВВС Западного фронта.

Когда весь полк поднялся, я на них посмотрел: такие машины идут, самолеты, гудят низко над аэродромом, целая армада. Чувствуется мощь такая. Думаю: “Ну, куда там немцам сейчас?! Наши как дадут перца! Вся наша мощь идет, всего 140-го бомбардировочного полка!” Улетели они. А мы, значит... на поезд, в товарные вагоны, в телячьи. Грузили какие-то запасные части, моторы запасные. Их на машинах подвозят, мы выгружаем на платформы... Куда везут — ничего не знаем. Поезд тронулся. Мне запомнился старший лейтенант Мальцев. Жена у него красивая была, в белом платье! Они, летчики, ходили там еще, жены их провожали, у которых жены были. Дети маленькие там, ребятки бежали... Мальцев погиб буквально в первые дни войны, сразу как вылетел от нас...

И вот такая тревожная обстановка: паровозы все время гудят, идут мимо Сеци один за другим. Эшелоны идут все время на запад, огибая Брянск, выходят прямо на Смоленск и идут дальше. И мы отправились. Ночью ехали, утром просыпаемся: Рогачев, Жлобин — города, которые бомбили. Слезаем, смотрим, там уже везде воронки большие от бомб... Немцы бомбили железнодорожные станции, мост через Днепр. Смотрим, и там большие воронки от бомб! В мост не попали, а рядом воронки от бомб просто огромные — несколько десятков метров в окружности! “Пятисотки” лупили на этом мосту.

Привозят нас ночью, станция Орша. Целый день плутали: на одну станцию привезли, а нашего полка нет, обратно! Везде неразбериха! Эшелон один, другой, туда, сюда! Куда сел наш полк? Никто не знает! Связи нет никакой! Смотрю, ужинать зовут. Один вагон приспособлен специально под пищеблок: дают сухой паек, что-то погрызть... Меня подозвал начальник эшелона и приказал поехать с ним искать наши самолеты, где они сели. Он сказал мне: “Ты, Чельшев, знаешь немецкий язык, всякая ситуация может возникнуть. Давай, садись в машину. Недалеко есть аэродром, где стоят истребители. Там наверняка знают, где находится наш полк, истребители обычно сопровождают бомбардировщиков”. И дальше Евгений Петрович рассказывал: «Вечереет. Я стою. Машины этой, “эмки” черной, нет. Рядом играет патефон, я очень хорошо помню, пела Шульженко: “Ваша записка в несколько строчек, та, что я прочла в тиши”... И вдруг в это время гул, гул, нарастающий гул! Причем такой, чужой, чувствуется, что это не наши, чужие

самолеты! “У-у-у, у-у-у, у-у-у!”, — завывающий звук, нарастающий. И потом: “Иииии!” — свист! Это когда летят бомбы, немцы еще к ним привинчивают какие-то звукоусилители, и страшнейший такой, ревущий свист получается, пронизывающий все тело! Так неожиданно, так дико, вот эти бомбы! И начинается бомбежка! Это была первая бомбежка, под которую я попал!

А в Орше, куда мы приехали — там масса эшелонов собралась. Стоит эшелон с беженцами из Минска — уже беженцы из Минска появились, там расстояние небольшое, 200–300 км. Рядом эшелон с какими-то боеприпасами стоит на путях. И вот немецкие бомбардировщики, черные такие, зловещие, нависли. Мы, когда приехали, я думаю: “А почему нас здесь, в Орше, разгружают? Нам в Гродно надо ехать!” Гродно — это на границе с Польшей, а Орша от границы далеко! Думаю: “Наверняка наши войска уже к Варшаве подходят, и самолеты наши летают над польской территорией”. Мы ничего не знаем, что происходит, никто не сообщает нам никаких известий. Эшелоны стоят. И тут смотрю, бежит начальник эшелона под бомбежкой этой и тоже рядом ложится... Первое, что хочется сделать, — бежать куда-то, рассудок отказывает. Но бежать совершенно бессмысленно, бомбы спереди рвутся, сзади. Их летело несколько волн, этих бомбардировщиков: одна волна прошла, другая. Потом все-таки начальник эшелона нам кричит: “Немедленно в машину! Немедленно в машину!” Мы бегом, сели в эту “эмку”. И она поехала буквально под бомбежкой, потому что бомбежка продолжается. Кругом где-то рвутся снаряды, сзади что-то трещит, горит, бомбы попали в дома, там кричит кто-то, кого-то ранило... Переехали на другую сторону, там бугор, поросший кустарником, дорога. Нужно ехать, искать аэродром. А где находится этот аэродром? Начальник станции сказал, что нам нужно ехать по этой дороге, это была его машина. Выехали на бугор, смотрим, опять там гул, прошло несколько минут — нет бомбежки, потом снова нарастающий гул. Мы вылезли, легли на этот бугор — метров, наверно, 700–800 было до этих путей, откуда мы выскочили. Горят какие-то дома, немцы подожгли зернохранилище. Я смотрю, и для меня эта картина не представляется реальной... Что-то происходит совершенно невероятное, совершенно необъяснимое! Бегают люди, горят вагоны! Буквально 10 минут тому назад ничего этого не было. Мы приехали, сейчас начнем выгружаться, поедем, сядем на наш самолет и будем бомбить немцев. И тут началось все

совсем по-другому. Эти вот немецкие самолеты!» (из интервью Евгения Петровича для книги «Война и память»).

О тяжелых месяцах конца 1941-го — начала 1942 года Евгений Петрович вспоминал:

«Дойти до Великих Лук удалось только Пуркаевской, 3-й ударной армии. Они от Калинина сделали большой, на 200 км, бросок вперед. Практически освободили всю Калининскую область и дошли до Великих Лук. Там остались окруженные группировки немцев — котлы: Старая Русса, Демянск, Холм и т. д. Эти города, где немцы ожесточенно сопротивлялись, где они получили категорический приказ “не сдаваться, а до последнего в окружении выстаивать”. С этих группировок можно было бы развивать, усилив их, удар на Москву. Это все было совсем недалеко от Москвы. Немцы летали, подбрасывали им с воздуха продовольствие, вооружение, медикаменты, теплое обмундирование, зима холодная была. Немцы днем прилетали. А ночью летали наши устаревшие бомбардировщики, которые попадали под их огонь. Все эти котлы были хорошо укреплены зенитными средствами.

Я участвовал в этом, уже летал, но было гораздо больше экипажей, чем самолетов. Самолеты мы теряли каждую ночь. Хоть один самолет, но погибнет. Наш полк таял. Самолеты горели, они вообще очень быстро сгорали. Они были даже не алюминиевые, а перкалевые. Достаточно несколько пуль, и он воспламенялся и падал на землю. Мы были все как обреченные. Подавленное настроение было у всех наших молодых ребят, которые с наших современных “пешек”, пикирующих бомбардировщиков, не уступающим по своим данным немецким самолетам, перешли на это барахло, которое ничего не могло, ничего... Конечно, промышленность ускоренными методами, перебазировавшись на восток, наращивала производственные мощности, выпускала танки, самолеты... Так в войну на новом самолете и не удалось полетать, летал на этом. Ночью 3 марта, как сейчас помню, меня разбудили, срочно в штаб... А мы должны были идти на аэродром, чтобы выкатывать самолеты. Взлетали самолеты с замерзших озер, потому что аэродромов там не было. Там озер очень много. Днем закатывали самолеты в лес, в кусты, чтобы немцы их не разбомбили. А ночью их выкатывали и взлетали с озер, как на лыжах. Мы бросали бомбы на эти котлы, чтобы немцам там жилось хуже. И вот я тоже должен был туда идти. Сидели, хлеб на штыках

грели в буржуйке, замерзший черный хлеб. И чаем его запивали из котелков. Вот это был наш ужин: ели хлеб и запивали чаем. Больше никакой еды не было, потому что обед привозили только один раз днем из Торопца, до него километров 15 было. То машина сломается, то еще что-то случится. Главным образом, черняшка и чай. Вот этим и жили».

Евгений Петрович со смехом рассказывал, что он всегда был многостаночником. Еще в армии он научился исполнять несколько должностей одновременно. С одной стороны, был членом экипажа командующего ВВС 3-й ударной армии полковника Ушакова, стрелком-радистом, а с другой — продолжал заниматься аэродромной сетью противника в разведотделе и выполнять все приказы своего штаба.

Евгений Петрович вспоминал, каково было входить в освобожденный город: «Мы приехали в Минск, когда его взяли наши войска. Это было в июле 1944 года, после операции “Багратион”. Минск взяли 3 июля. Пошли туда танковые колонны. Я как раз там видел Жукова и Василевского, они были вместе, ехали на виллисе, американском военном джипе. У нас к тому времени было отлажено взаимодействие между танками и авиацией. Я принимал в этом непосредственное участие. Представьте себе, сверху все время бомбят, то наши, то немецкие самолеты, трудно разобрать, свистят осколки. Буквально в километре впереди нас танки ведут бой. Я на бронетранспортере подъезжал как можно ближе к танкам. Там было несколько мотоциклистов, чтобы получать точную информацию, куда какие самолеты надо высылать, куда силовиков, куда истребителей, какие места сопротивления надо бомбить. Собрав информацию, я тут же возвращался и докладывал генералу. Он сразу составлял боевое распоряжение и передавал через радиста, который сидел на виллисе сзади, в штаб корпуса, и вылетали самолеты. Очень быстро все это было организовано, взаимодействие с танками.

Ну вот, наконец мы въехали в Минск по главной дороге, ее часто показывают сейчас. Там прошли все танки — армия Ротмистрова. Здания были заминированы. Сталин приказал всеми силами не дать немцам взорвать Минск. Проехали через весь Минск триумфальным шествием, выбегали люди. Еще слышались пулеметные и автоматные очереди где-то на окраинах, там добивали немцев. Танки прошли, а пехота осталась, автоматчиков выбивали

где-то, вели пленных. Как местные нас встречали! Я видел, как они со слезами радости бросались нам на шею. Выбегали женщины, девушки, бросали цветы. Мы ехали на виллисах. Боевые танки, бронетранспортеры, которые зачищали город, уже прошли вперед. А за ними ехало начальство, тылы и так далее. Вот среди них ехал и штаб Ротмистрова, оперативная группа. И у меня даже фотография есть, где Ротмистров сидит на виллисе.

Мы приехали на берег большой реки Свислочи, впадающей в Днепр. Подходят к нам танкисты и говорят: “Ребята, пошли, выпьем за победу”. Подъехали кухни, и офицеров всех собрали туда. Мы там выпили довольно здорово и закусили американской тушенкой, “вторым фронтом”, как говорили у нас. Это был такой военный юмор. Потом пошли купаться в Свислочь, потому что грязные все, пыльные. А позже и начальники туда пришли, по просьбе Ротмистрова. И мы там обмывали победу, устроили такой выпивон по случаю взятия Минска».

Евгений Петрович говорил, что он не довоевал до конца войны. В 1944 году он приехал с фронта учиться по распределению в Академию командно-штурманского состава. Его туда не приняли из-за проблем со зрением. Тогда в том же году он поступил в Военный институт иностранных языков. Окончил он его с отличием в 1949 году, затем сразу поступил в адъюнктуру, защитил кандидатскую и стал начальником кафедры индийских языков. В 1956 году Военный институт закрыли, Евгений Петрович ушел в отставку. Так началась его гражданская служба. Его уговаривали перейти работать в ЦК КПСС, но все изменила судьбоносная встреча с легендарным директором ИВ АН СССР академиком Бободжаном Гафуровичем Гафуровым, который сказал: «Я, Евгений Петрович, Вам советую не менять свою научную карьеру на хорошую квартиру».

Придя в 1956 году в академическую науку, в Институте востоковедения Евгений Петрович проработал более тридцати лет, вплоть до своего избрания на должность академика-секретаря Отделения литературы и языка АН СССР в 1988 году.

В 1965 году Евгений Петрович защитил докторскую диссертацию по теме «Традиции и новаторство в современной поэзии хинди». В течение многих лет возглавлял отдел литератур народов Азии, который при нем стал одним из основных и знаковых научных коллективов Института.

Говоря о профессиональной и научной деятельности Евгения Петровича, я, не будучи литературоведом и индологом, предоставлю слово его коллегам — известным ученым.

Заслуженный профессор, доктор филологических наук, замечательный знаток персидского языка и урду Н. И. Пригарина так отзывалась о нем: «Евгений Петрович был добрым и внимательным человеком. Он сильно повлиял на мои научные интересы. Как-то я услышала по радио его захватывающий доклад об индийской литературе, и меня это так вдохновило, что я решила заниматься персоязычной литературой. Я училась в аспирантуре, и на аспирантском экзамене Евгений Петрович мне чрезвычайно помог, предложив взять научную тему по творчеству выдающегося пакистанского философа, духовного лидера страны, поэта Мухаммеда Икбала. Он уже тогда понимал все величие и значение этого человека. Я серьезно увлеклась личностью Икбала, и та информация, которую я нашла о нем, очень удивила Евгения Петровича, потому что он был индолог, а у меня уже тогда был огромный интерес к исламу. Я смотрела на творчество Мухаммеда Икбала с точки зрения исламской традиции. Евгений Петрович был оппонентом на защите моей кандидатской диссертации, очень помог и поддержал меня. Евгений Петрович всегда привечал молодежь. Когда времени у него совсем не было, просил меня помочь, доверяя мне своих многочисленных учеников и выпускников.

С ним была настоящая, увлекательная жизнь в отделе: интересные обсуждения научных работ, споры, дискуссии, рублились, хлопали дверьми. У нас сложился сплоченный и дружный коллектив. К праздникам мы сочиняли капустники, и Евгений Петрович, естественно, очень часто был в них главным героем, но он никогда не обижался и смеялся вместе с нами. Увидев его как-то летом на Рижском взморье — загорелого, спортивного, подтянутого — я подумала, что горжусь таким начальником. Доверительный в общении с людьми, скромный, он никогда не зазнавался и не хвалился.

Ему принадлежит верная мысль о том, что литературовед рождается в коллективе. И действительно, благодаря его усилиям, в отделе был создан прекрасный коллектив литературоведов, изучающих литературу Востока. Вокруг него всегда были преданные, талантливые люди, ставшие ядром нашего отдела литератур Азии. Я думаю, он был счастлив прожить у нас в Институте более

тридцати лет. Мы были молоды, свободны... А он давал нам возможность дышать».

Людмила Александровна Васильева, один из лучших в России специалистов и переводчиков с урду, так вспоминала о нем: «Евгений Петрович производил впечатление открытого, дружелюбного, многостороннего человека. В отделе его всегда очень любили, он проявлял максимальное внимание к людям, не был злопамятным, не вредничал, что важно для руководителя. Блестящий знаток индийской литературы, он с огромным интересом и симпатией относился к Индии, к ее людям, к ее литературе, к ее поэзии».

Одна из его самых ярких учениц, выдающийся литературовед, доктор филологических наук Анна Ароновна Суворова писала о Евгении Петровиче в своем предисловии к изданному в Индии на хинди многотомному собранию его трудов:

«Евгения Петровича отличала невероятная широта профессионального диапазона — от востоковедения до пушкиноведения, от военной истории до истории первой эмиграции, от проблем русского языка до переводов индийской литературы, от теоретического литературоведения до мемуарной прозы. Настоящий "человек-оркестр", у которого в унисон звучит всякая новая научная тема, каждый освоенный им "инструмент".

Подлинным "местом силы" в научной деятельности Евгения Петровича, областью, где он совершил настоящий "прорыв", является индологическое литературоведение, создание школы изучения современных индийских (шире — южноазиатских) литератур. До него подобной школы с преемственностью тематики, проблематики, методов исследования и механизма передачи знания в нашей стране просто не существовало. Поскольку я сама принадлежу к этой школе, то могу вполне компетентно говорить о Е. П. Чельшеве как о создателе современного индологического литературоведения в СССР и России.

Индолог по образованию, специалист по языку и литературе хинди, Е. П. Чельшев начинал свой научный путь в годы, когда в академической индологии преобладали историко-филологические исследования конкретного характера. К переводам и исследованиям древних и средневековых индийских памятников, освещенным вековым авторитетом классиков востоковедения, относились с глубоким пиететом, и на их фоне немногочисленные работы, посвященные литературе на "новых", "живых" языках

государств Южной Азии, относительно недавно получивших независимость, считались не заслуживающими серьезного научного интереса. Во всяком случае, молодые индологи не спешили заниматься современной тематикой.

Можно без преувеличения сказать, что Е. П. Чельшев практически в одиночку изменил предвзятое отношение академической среды к изучению современных литератур Востока, Индии, в частности. Возглавив отдел литератур народов Азии, он выступил инициатором и разработчиком многочисленных научных дискуссий, из результатов которых строилось, как “по кирпичику”, здание современного востоковедного литературоведения. Охват проблем этих дискуссий, завершавшихся изданием коллективных монографий и сборников статей, поражает своим масштабом: это проблемы периодизации истории литератур Востока, традиций и новаторства, проблемы реализма, романтизма, модернизма в литературах Азии и Африки, просветительство в литературах Востока, традиционность и традиционализм, эволюция эстетической мысли, русская классика на Востоке и многое другое. Особенного накала достигли в 1960–1970-х гг. дискуссии о возможностях типологического сопоставления средневековых литератур Востока с европейскими литературами эпохи Возрождения. Независимо от того, каким видится этот спорный тезис сегодня, эта и подобные ей дискуссии обогатили и разнообразили научную жизнь востоковедов.

Безусловно, при Е. П. Чельшеве и рядом с ним работать было интересно, а, учитывая его природный оптимизм и чувство юмора, еще и весело. Он поддерживал все новые начинания своих сотрудников, поощрял поиски молодых ученых, не боялся критики, ценил чужой талант и, что главное, никогда никому не завидовал. Такой руководитель — настоящая мечта для всякого гуманитария. Так случилось, что я уже более 30 лет руковожу тем же самым отделом литератур народов Азии ИВ РАН, в известной мере “унаследовав” его от Евгения Петровича. Времена, нравы и научные интересы с тех пор кардинально изменились; восточное литературоведение потеряло статус “фабрики мысли” как в России, так и за рубежом. Поэтому и для меня, и для многих моих коллег воспоминания о “золотом веке” отдела по-прежнему связаны с Е. П. Чельшевым».

Далее А. А. Суворова пишет: «Если заслуги Е. П. Чельшева в создании школы современного индологического литературове-

дения связаны с его выдающимися способностями организатора науки, то есть научная область, в которой он сказал новое слово как ученый и автор фундаментальных исследований. Это создание так называемой “интегральной” истории современных индийских литератур.

Как известно, Индия — рай для лингвиста. Здесь говорят на 447 различных языках и двух тысячах диалектов. Конституция страны считает два языка — хинди и английский — государственными языками. Кроме того, существует официальный список из 28 национальных языков, которые могут использоваться правительствами индийских штатов для административных целей. И практически на всех этих языках развивается литература, различная по времени возникновения, по своему происхождению, составу и влиянию на общеиндийский литературный процесс. Очевидно, что индийские ученые не раз предпринимали попытки выработать некий универсальный подход к изучению этих многочисленных национальных литератур. Среди самых успешных попыток — многотомный труд “Comparative Indian Literature” под редакцией К. М. Джорджа, вышедший в 1980-х годах.

Свою оригинальную методологическую концепцию “интегральной” истории индийских литератур предложил и Е. П. Чельшев. В двух фундаментальных монографиях “Современная индийская литература” (1981) и “Индийская литература вчера и сегодня” (1989) он представил литературный процесс в Индии как некое единое целое, обладающее особой, узнаваемой общеиндийской спецификой, несмотря на кажущееся региональное и национально-этническое несходство.

В своей “интегральной” истории индийских литератур Е. П. Чельшев продемонстрировал механизм действия знаменитой концепции “единства в многообразии” (Unity in Diversity), сформулированной еще Рабиндранатом Тагором применительно к индийской культуре в целом. Две упоминавшиеся монографии можно рассматривать как теоретическую историю современной индийской литературы, поскольку обширный фактический материал на региональных (или национальных, “живых”, “новых”) языках и его критическое осмысление подчинены одной цели. Это задача определить закономерности бытования разнородных литературных традиций в рамках общеиндийского литературного процесса, проследить механизм их саморегуляции на разных исто-

рических этапах, выявить общность, “индийскость” (Indianness) в, казалось бы, самом неподатливом, внешне несхожем материале.

Многие из предложенных Е. П. Чельшевым концепций доказали свою научную и практическую ценность, несмотря на то, что прошло много лет. Так, иногда мне кажется, что еще в 1980-х годах Евгений Петрович, прогнозируя дальнейшую национализацию и “индианизацию” литературы, предвидел, как настоящий визионер, всплеск идеологии *хиндутвы*, нарастающую в Индии критику секуляризма и политики Индийского национального конгресса во главе с Джавахарлалом Неру. Ведь даже либерально настроенный лауреат Нобелевской премии по литературе В. С. Найпол приветствовал популярность *хиндутвы*, считая, что ее деятельность направлена на возрождение индийской цивилизации.

Если сравнить профессиональное содружество индологов с дипломатическим корпусом, то Е. П. Чельшев, несомненно, долгое время занимал в нем место дуайена, самого авторитетного и уважаемого члена. Многие из моих коллег-ровесников вошли в профессию, выросли в профессоров и докторов наук (а кто и выше) при непосредственном или косвенном доброжелательном участии Евгения Петровича. Иначе говоря, на нашем индологическом небосводе он существовал всегда, и представить нашу науку без него невозможно».

Будучи истинным патриотом, Евгений Петрович много сил отдал деятельному сохранению русской культуры. Вот лишь небольшая выдержка из предисловия к сборнику, изданному к его 75-летию юбилею.

«Всегда питавший глубокий интерес к русской классике, Е. П. Чельшев обращается к темам, одинаково значимым для востоковедения и для истории отечественной культуры: образ России в индийской культуре; Индия глазами наших соотечественников; Пушкин, Толстой, Достоевский, Горький, Чехов и индийская культура; русская классика и советская литература в Индии и т. д.

По инициативе Е. П. Чельшева в 1990 году была разработана научная программа, призванная объединить усилия ученых-гуманитариев, работающих в области культурологии. Важным ее аспектом является изучение культурного наследия российской эмиграции первой волны. Эта масштабная междисциплинарная программа, в которой приняли участие литературоведы, искусствоведы, философы, историки, архивисты, ученые других спе-

Рис. 3. Е. П. Челышев и пенджабский писатель Джагджит Сингх Ананд. Москва, 1958 г. Из архива ИВ РАН

Рис. 4. Е. П. Челышев с Индирой Ганди. Вручение премии Джавахарлала Неру. 1968 г. Из архива ИВ РАН

циальностей, возникла в 1989 г. и осуществлялась в связи с проведением в Москве и Петербурге Конгрессов соотечественников, у истоков организации которых также стоял Е. П. Челышев. Ито-

---

Рис. 5. На конференции, посвящённой 100-летию Н. К. Рериха. С. Н. Рерих, Л. В. Шапошникова, Девика Рани, Е. П. Чельшев и др. Москва, 1974 г.
Из семейного архива Д. Е. Чельшева

говым трудом международного коллектива авторов стал изданный под редакцией Е. П. Чельшева и Д. М. Шаховского двухтомник «Культурное наследие российской эмиграции» (1994), в котором осмысливается процесс возвращения и переоценки отторгнутых от России культурных ценностей, исследуются различные аспекты неразделенной русской культуры XX в. в ее холистическом представлении»⁴.

Большую роль для российской и мировой культуры сыграли коллективные монографии «Пушкин в странах зарубежного Востока» (1979) и «Творчество Пушкина и зарубежный Восток» (1991), вышедших в свет под редакцией Е. П. Чельшева и с его предисловиями.

О Евгении Петровиче Чельшеве можно писать бесконечно долго, настолько уникален, талантлив и многогранен герой нашего исследования. Мне же хотелось остановиться на двух, на

---

⁴ Россия — Восток — Запад / Ред. коллегия : акад. Н. И. Толстой (отв. ред.) и др. — М. : Наследие, 1998. — С. 6–7.

мой взгляд, главных аспектах его жизни — войне и науке. Евгений Петрович говорил мне: «Вы знаете, повседневность отнимает время и силы. А самое главное остается в стороне. Поэтому надо сосредоточиться на самом главном. Одним из главных направлений, я убедился в этом, для меня явилась война. Война, которая прошла через всю мою жизнь, воспоминания о ней, фотографии. Мне повезло, что я оказался не окопным лейтенантом»⁵.

Уйдя в 1956 году из армии, Евгений Петрович, по сути своей, до последних дней оставался истинным воином... Будучи уже немолодым человеком, академиком, он всегда бросался в бой, защищая российскую академическую науку, востоковедение, русский язык, русскую культуру, традиции, историю, Россию.

Рис. 6. 95-летие академика Е. П. Чельшева. Москва, ИВ РАН, 2016 г.
Из архива ИВ РАН

---

⁵ Война и память / Авт.-сост. Н. Г. Романова. — М. : ИВ РАН, 2019. — С. 68.

ДРУЖБА АКАДЕМИКА Е. П. ЧЕЛЫШЕВА С ИМПЕРАТОРСКОЙ СЕМЬЕЙ

Среди выдающихся личностей, с которыми Господь свёл меня на службе Российскому императорскому дому, академик Е. П. Челышев запомнился удивительно органичным сочетанием черт и качеств представителя советской научной элиты с неподдельной и глубокой приверженностью фундаментальным традиционным духовным и культурным ценностям России.

Он происходил из почтенного крестьянского рода, многого достигшего ещё до революции благодаря крепкой вере, трудолюбию и предприимчивости. История семьи Челышевых служит одним из многочисленных примеров, разоблачающих ложь об отсутствии в Российской империи «социальных лифтов». Дед Евгения Петровича по отцу, крестьянин Владимирской губернии Семён Глебович Челышев, смог завести собственное дело в Москве и в 1894 году получил привилегированный статус потомственного почетного гражданина. Его дед по матери Михаил Арсениевич Соколов также был крестьянским сыном из Ярославской губернии и тоже добился успеха в Москве, заслужив личное потомственное гражданство.

Челышевы испокон веку были созидателями. Перейдя от земледелия к городской жизни, они приумножили своё благосостояние, занимаясь строительством. От своих предков Евгений Петрович унаследовал патриотизм, тонкий ум, добросовестность, бережное отношение к вопросам чести и репутации.

В его жизни и деятельности, в выражении им своих взглядов, во внешнем облике не было ничего искусственного и показного. Он был сыном своей эпохи и при этом обладал способностью ценить заветы старины и не отгораживаться от новшеств.

Е. П. Челышева отличал высочайший профессионализм. Являясь ученым с энциклопедическими знаниями, он, тем не менее, не впал в соблазн некоторых своих коллег, возомнивших себя вправе безапелляционно судить обо всём на свете. Евгений

Петрович мог блестяще выступать на самые разные темы в течение длительного времени, не утрачивая внимания аудитории, но при этом позволял себе утвердительно высказываться лишь о том, что сам изучил всесторонне и досконально.

Особенно ценно для учёного — он прекрасно постиг методологию науки, и это позволяло ему верно ориентироваться во всём, на что простирался его научный интерес. Будучи в основном востоковедом, он приобрел заслуженный авторитет и в области изучения российской культуры, пушкинистики, истории Великой Отечественной войны (участником которой он был от начала до конца¹) и русской эмиграции.

В последнем направлении наши с ним научные интересы оказались особенно тесно связаны. Несколько лет я был членом Научного совета по изучению и охране культурного и природного наследия Российской академии наук (РАН), сопредседателем которого являлся Евгений Петрович, и имел возможность советоваться с ним и делиться найденной информацией.

Изучая пути русской диаспоры и судьбу её идейного наследия, Е. П. Чельшев, благодаря строгой объективности, избежал как пренебрежительного и высокомерного отношения к соотечественникам, покинувшим Родину в советскую эпоху, так и необоснованных восторгов и преклонения перед эмиграцией. Честный и взвешенный подход определил и его искреннюю симпатию

---

¹ Первокурсником Е. П. Чельшев был призван в армию и направлен в лётную школу в военном городке Сеща Орловского военного округа. Летом 1940 года после её окончания зачислен стрелком-радистом в 140-й скоростной бомбардировочный полк 2-й смешанной авиационной дивизии. В годы Великой Отечественной войны он воевал на Смоленщине, Калининском и Западном фронтах, Северном Кавказе, в Сталинграде, Белоруссии, Прибалтике. Участник Парада Победы 1945 года. В октябре 1945 года из-под Кёнигсберга направлен в Военную академию командного и штабманского состава в Монино, но в приёме ему было отказано из-за слабости зрения. В 1949 году с отличием окончил Военный институт иностранных языков Красной Армии (восточное отделение) и поступил в адъюнктуру. Ушел в запас в звании подполковника. Награжден двумя орденами Красной Звезды (1944, 1949), орденом Отечественной войны II степени (1985), медалью «За боевые заслуги», орденами «За заслуги перед Отечеством» IV (1997) и III (2007) степеней.

к Российскому императорскому дому в изгнании; понимание им подлинных роли и значения, которые династия Романовых продолжает сохранять после революции 1917 года в современной России, на всем цивилизационном пространстве бывшей Российской империи и во всех частях Русского Мира.

Нас как-то сразу сблизили воспоминания Евгения Петровича о его студенческой жизни. Перед Великой Отечественной войной он окончил Московский институт химического машиностроения (МИХМ), располагавшийся на улице Карла Маркса (до 1918 и с 1990 года вновь Старой Басманной улице), 21/4. Этот институт, ныне, к сожалению, уничтоженный, размещался в бывшем дворце князя А. Б. Куракина, в котором А. С. Пушкин был представлен императору Николаю I. В 1959 году к историческому зданию пристроили «профессорский» жилой дом, в котором получили квартиры преподаватели МИХМа и некоторых других близлежащих институтов, в том числе мой дед П. С. Закатов, занимавший тогда пост директора Московского института инженеров геодезии, аэрофотосъемки и картографии (МИИГАиК). Наша семья продолжает там жить до сих пор. Е. П. Чельшев с удовольствием делился со мной воспоминаниями о днях своего обучения в МИХМе и расспрашивал о нынешнем состоянии памятных ему мест.

Евгений Петрович, лишь немного не доживший до 100-летнего юбилея, сохранял хорошую память, ясность мысли и замечательное чувство юмора. Это проявлялось и во время лекций, и в выступлениях на общественные темы, и в быту. При одном из последних моих посещений академика я стал свидетелем забавной сцены: как раз во время нашей беседы ему позвонил какой-то телефонный мошенник и стал убеждать произвести некие действия с банковским вкладом. Услышав, о чем идет разговор, я насторожился и даже подумал, что следует вмешаться: всё-таки пожилые люди, сколь бы ни был высок их интеллектуальный уровень, нередко становятся доверчивыми. Однако моего участия совершенно не понадобилось. Евгений Петрович столь блестяще и остроумно всё объяснил жулику, что тот, при всех присущих такого рода лицам навязчивости и наглости, растерялся и понял, что шансов обмануть собеседника у него нет никаких.

Глава Российского императорского дома великая княгиня Мария Владимировна ценила заслуги Е. П. Чельшева и каждый раз с большим интересом общалась с ним.

23 декабря 2003 года великая княгиня возвела Евгения Петровича в достоинство кавалера императорского ордена Святой Анны II степени. Грамота и знак ордена были вручены лично её императорским высочеством в Москве 13 января 2004 года. С 2006 года академик Е. П. Чельшев являлся членом Кавалерской думы ордена Св. Анны. Как офицер и ветеран Великой Отечественной войны он был также возведен великой княгиней в достоинство кавалера императорского военного ордена Святителя Николая Чудотворца, а в 2011 году, к его 90-летию — в достоинство кавалера ордена Св. Анны I степени. В юбилейном для династии 2013 году Евгений Петрович стал одним из первых соотечественников, удостоенных Марией Владимировной права ношения императорской наследственной бронзовой медали «В память 400-летия дома Романовых». Евгений Петрович, имевший множество государственных орденов, званий и премий, весьма ценил династические награды и полученный от законной наследственной главы дома Романовых статус потомственного дворянина.

Уважение к исторической царственной династии и готовность прийти ей на помощь проявились не только в светском дружеском общении, красивых церемониях и сугубо научном обмене сведениями. Е. П. Чельшев поддержал Российский императорский дом в ответственный и сложный момент правовой борьбы за реабилитацию св. императора Николая II и членов его семьи, а также других казнённых членов императорской фамилии и их верных служителей. Тогда, в течение 3 лет судебных разбирательств в 2005–2008 годах, очень многие известные и влиятельные лица отнеслись к этому процессу поверхностно, легкомысленно, иногда враждебно. Прозвучало огромное количество некомпетентных и политизированных мнений. Некоторые силы пытались создать вокруг императорской семьи напряжённую атмосферу, исказить в общественном восприятии подлинные намерения великой княгини Марии Владимировны. Евгений Петрович вник в самую суть дела, убедился в его справедливости и правовой и исторической состоятельности и не уклонился от написания предисловия к сборнику материалов процесса — книге «В подвале Ипатьевского дома».

Вот самые важные цитаты из этого предисловия.

«Екатеринбургская трагедия 17 июля 1918 года никого не оставила равнодушной. Кто-то скорбел и ужасался, кто-то тор-

жестовал, кто-то осуждал жестокость большевиков, но признавал, что в тех условиях царубийство было предрешенным... Подобный разброс мнений существует по сей день. Но на протяжении всего советского периода нашей истории ни у кого не возникало сомнения, что царская семья была казнена по политическим мотивам органами государственной власти Советской России и что это произошло с одобрения высшего руководства страны».

«Начавшаяся в 1950-е годы прошлого века волна реабилитации жертв политических репрессий до определенного времени не могла коснуться членов династии Романовых. Реабилитировали многих погубленных представителей “старого мира”, реабилитировали революционеров, попавших в жернова созданной ими системы, реабилитировали даже некоторых организаторов расстрела в Екатеринбурге. Но царская семья, в силу политических обстоятельств, была вне этого процесса. И лишь недавно, после многолетней работы по изучению вопроса с юридической и исторической точек зрения, глава Российского императорского дома Романовых великая княгиня Мария Владимировна обратилась в Генеральную прокуратуру России с заявлением о реабилитации своих родных. Неожиданный отказ в реабилитации царской семьи породил новый всплеск интереса к судьбе последнего императора и его близких, к оценке нашей истории в XX веке, к месту дома Романовых в современной России».

«У идеи реабилитации нашлись и противники, и сторонники. Причем отношение к данной проблеме, по мере выявления всё новых её аспектов, далеко не всегда зависит от упрощенно понимаемых политических ориентаций. К сожалению, многие из участников дискуссии высказываются, не имея в своем распоряжении многих важных источников информации, без которых вопрос не может быть рассмотрен системно и всеобъемлюще. Восполнить этот пробел призвана книга “В подвале Ипатьевского дома”, представляющая собой сборник законов, исторических документов, материалов дела о реабилитации царской семьи и статей, опубликованных в российской прессе».

«Составители сборника, на мой взгляд, пошли по правильному пути, когда решили представить вниманию читателя не свою авторскую интерпретацию, а все основные первоисточники. Будучи приверженцами одной точки зрения, нисколько не пытаюсь

скрыть это, они, тем не менее, предают гласности без искажений доводы противоположной стороны, и благодаря этому не лишают никого, в том числе и своих оппонентов, возможности прийти к самостоятельному выводу». <...>

«В книге присутствуют острополемические тексты. В название одного из разделов даже входит слово “борьба”. Но при внимательном и вдумчивом чтении становится ясно, что эмоциональный настрой сторонников реабилитации царской семьи по существу своему конструктивен. Ими движет стремление добиться правды в высшем смысле этого слова, и они борются не “против”, а “за”».

«Избранное для книги заглавие “В подвале Ипатьевского дома” на первый взгляд может показаться несколько парадоксальным и не относящимся напрямую к содержанию. Однако в нем заложен глубокий смысл. Мы помним крылатую фразу, что война не окончена, пока не похоронен последний павший в ней солдат. В этом смысле точно так же не окончен террор,

Рис. 1. Е. И. В. Великая княгиня Мария Владимировна вручает Е. П. Чельшеву знак ордена Св. Анны. 13 января 2004 г.

пока не восстановлена справедливость в отношении последней его жертвы»².

Книга вышла в свет уже после того, как 1 октября 2008 года высшая судебная инстанция России — Президиум Верховного суда Российской Федерации признал законными и обоснованными требования великой княгини Марии Владимировны и вынес решение о признании казнённых членов императорской фамилии жертвами политических репрессий и об их реабилитации. Евгений Петрович был рад торжеству справедливости и законности, в достижение которого он внёс весомый вклад. И мы всегда будем помнить о его моральной поддержке в этом трудном деле, о доброте и мудрых наставлениях во многих жизненных ситуациях.

---

² *Закатов А. Н., Лукьянов Г. Ю.* В подвале Ипатьевского дома. Реабилитация святых царственных страстотерпцев и защита прав и законных интересов Российского императорского дома в 1995–2008 гг. Документы и материалы. — М., 2009. — 434 с.; ил. — С. 7–8.

АКАДЕМИК Е. П. ЧЕЛЫШЕВ И АНДРЕЕВСКИЙ МОНАСТЫРЬ

Среди многообразных научных интересов и трудов Евгения Петровича Челышева были такие, в которых он оставил не только статьи и книги, но и продолжающие работать и хранить о нем добрую память институции, в формировании которых он сыграл важную роль, которые он поддержал и в жизни которых благотворно участвовал. Одним из таких учреждений является Синодальная библиотека Русской Православной Церкви, расположенная в находящемся у подножья Воробьевых гор в Пленницах Андреевском монастыре, возле которого было построено новое здание Президиума Российской академии наук, а в нем, в частности, разместилось и бюро Отделения литературы и языка РАН. Как вспоминал сам Евгений Петрович, в 1990 году он «выступил одним из инициаторов восстановления Андреевского монастыря и передачи его Русской Православной Церкви и тем подразделениям Академии наук, которые занимаются исследованием русской духовной культуры»¹. Тогда же он «начал заниматься историей Андреевского монастыря, собирать материалы о “Ртищевском братстве”, опубликовал в периодической печати несколько статей... Долго пришлось убеждать различные инстанции... Свою роль сыграло письмо на имя Президента Российской Федерации, подписанное Патриархом Московским и всея Руси Алексием II и президентом РАН академиком Ю. С. Осиповым, а также обращение Патриарха к мэру Москвы Ю. М. Лужкову»². Летом 1991 года было учреждено Патриаршее подворье в б. Андреевском монастыре, назначен настоятель — священник

---

¹ *Челышев Е. П.* «Ртищевское братство» в Андреевском монастыре. — М.: Российская акад. наук; Совет по изучению и охране культурного и природного наследия, 1997. — 75 с.: ил. (Природное и культурное наследие Москвы). — С. 41.

² Там же. С. 41–42.

(с 1995 года протоиерей) Борис Даниленко, директор Синодальной библиотеки. Уже в марте 1992 года начались богослужения в Воскресенском храме монастыря, но библиотека еще два года оставалась в довольно тесных помещениях части больничного корпуса Данилова монастыря, где она размещалась со времени своего воссоздания в 1987 году, в корпусах же Андреевского монастыря продолжал работать НИИ метрологической службы Госстандарта. Отец Борис, Евгений Петрович и академик Никита Ильич Толстой (1923–1996) «вели длительную борьбу за Андреевский монастырь. Никита Ильич, обладавший большим духовным и научным авторитетом, неустанно прилагал усилия для решения этого вопроса. В монастырь перевели Синодальную библиотеку...»³. В своем повествовании Евгений Петрович старается оттенить свою роль в этой не только бюрократической, но поистине духовной борьбе, но ее живые участники и свидетели знают, что без его активного, постоянного и благожелательного участия едва ли бы был достигнут положительный и масштабный результат: в 1996 году все помещения Андреевского монастыря были переданы в пользование Русской Православной Церкви в лице Синодальной библиотеки, с 1997 года в нем начала учебную деятельность общеобразовательная православная школа, учрежденная Синодальной библиотекой и Патриаршим подворьем; в последующие годы в стенах обители разместились Синодальный информационный отдел и Учебный комитет, в 2013 году был возрожден Андреевский ставропигиальный мужской монастырь, наместник которого теперь по положению возглавляет также действующую в стенах монастыря аспирантуру Московской духовной академии.

В 1990-е годы Евгений Петрович часто бывал в Синодальной библиотеке и в храме подворья, принимал участие в проводившихся Синодальной библиотекой конференциях. Результатом его разысканий по истории обители стала книга «Ртищевское братство» в Андреевском монастыре»⁴, переизданная в его «Из-

---

³ Чельшев Е. П. «Ртищевское братство» в Андреевском монастыре. — М.: Российская акад. наук; Совет по изучению и охране культурного и природного наследия, 1997. — 75 с.: ил. (Природное и культурное наследие Москвы). — С. 42.

⁴ Там же.

бранных трудах»⁵, в обоих изданиях в качестве приложения дан подготовленный Е. П. Чельшевым по публикации в «Древней российской вивлиофике» (1791) текст «Жития милостивого мужа Федора Ртищева». Две главы из этой книги под общим заглавием «У истоков отечественного просвещения» со значительно расширенным иллюстративным рядом и небольшими поправками были опубликованы в журнале «Пространство и время»⁶. В 2016 году электронная версия журнала была использована при издании одноименной брошюры, в которой факсимильно воспроизведены текст и иллюстрации журнальной публикации⁷; эта брошюра была роздана участникам проведенной в том же году Андреевским монастырем конференции, название которой («У истоков отечественного просвещения») было заимствовано из заглавия брошюры.

Евгений Петрович также сыграл огромную роль в судьбе московского Института перевода Библии (ИПБ). Еще ранее начала борьбы за Андреевский монастырь, в конце 1980-х годов, он встретился в Москве с основателем и первым директором стоковского ИПБ Бориславом Араповичем и проникся идеей работы над переводами Священного Писания на неславянские языки народов нашей страны, ведшейся в Стокгольме с 1973 года, в результате чего было подписано соглашение о сотрудничестве ИПБ и Отделения литературы и языка Академии наук. Данное соглашение имело важное значение для регистрации в 1992 году Российского отделения ИПБ, а в 1995 году самостоятельной российской организации ИПБ, которая в 1997 году по благословению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II переехала в помещение в Андреевском монастыре, а в 2000 году получила

---

⁵ *Чельшев Е. П.* «Ртищевское братство» в Андреевском монастыре // Чельшев Е. П. Избранные труды. — М. : Наука, 2002. — Т. 2 : Русская культура в мировом контексте. — С. 12–46.

⁶ *Чельшев Е. П.* У истоков отечественного просвещения. Ч. 1: Предшественники преобразовательной программы Петра I // Пространство и время. — 2012. — № 1 (7). — С. 99–107; *Чельшев Е. П.* У истоков отечественного просвещения. Ч. 2: Федор Михайлович Ртищев и его «Братство» в Андреевском монастыре // Пространство и время. — 2012. — № 2 (8). — С. 116–122.

⁷ *Чельшев Е. П.* У истоков отечественного просвещения. — М. : Андреевский монастырь, 2016. — [8] л.: ил.

статус научно-исследовательского учреждения, действующего под научно-методическим руководством Отделения литературы и языка РАН (ныне Отделения историко-филологических наук). На базе Института в 2003 году была образована Комиссия по изучению и проблемам перевода Библии, вошедшая в состав Совета Президиума РАН. До настоящего времени многие издания ИПБ выходят с грифом Института языкознания РАН, а с 2012 года совместно с ним ИПБ издает лингвистический двуязычный журнал «Родной язык».

В начале своей деятельности в Москве, в 1994 году ИПБ провел совместно с РАН и Русской Православной Церковью конференцию «Перевод Библии: лингвистические, историко-культурные и богословские аспекты», конференция прошла в здании Президиума РАН, в 1996 году по ее результатам был издан сборник трудов. Аналогично в 1999 году прошла 2-я совместная конференция «Перевод Библии в литературе народов России, СНГ и стран Балтии». В обеих конференциях Евгений Петрович принял участие не только как организатор, но и как докладчик⁸. В 2010 году вышла его статья в коллективной монографии, посвященной влиянию библейских переводов на судьбы языков⁹. В 2003 году к 30-летию ИПБ он опубликовал краткий обзор истории сотрудничества ИПБ и РАН¹⁰. Основатель ИПБ Борислав Арапович в 1999 году

---

⁸ Чельшев Е. П. Вступительное слово // Перевод Библии : Лингвистические, историко-культурные и богословские аспекты : Материалы конференции, Москва, 28–29 ноября 1994 года. — М. : ИПБ, 1996. — С. 23–30. Позже дополнено и издано в виде статьи: Лингвистические, историко-культурные и богословские аспекты перевода Библии // Чельшев Е. П. Избранные труды. — М. : Наука, 2002. — Т. 2 : Русская культура в мировом контексте. — С. 47–52; Чельшев Е. П. Вступительное слово // Перевод Библии в литературах народов России, стран СНГ и Балтии : Материалы конференции, Москва, 2–3 декабря 1999 года. — М. : ИПБ, 2003. — С. 17–23.

⁹ Чельшев Е. П. Библия у истоков национальной культуры // Перевод Библии как фактор развития и сохранения языков народов России и стран СНГ: Проблемы и решения. — М. : ИПБ, 2010. — С. 17–23.

¹⁰ Чельшев Е. П. Сотрудничество ИПБ и РАН // Новости библейского перевода : Информационный бюллетень. — М., 2003. — № 2 (16). — С. 2–3.

Рис. 1. Прот. А. Троицкий, д-р Б. Арапович с супругой, акад. Е. П. Чельшев, сотрудники Института перевода Библии. Перед входом в здание Президиума РАН, где состоялось вручение диплома иностранного члена РАН д-ру Б. Араповичу. 25 мая 2010 г.

был избран иностранным членом Российской академии наук, но диплом ему вручали только в 2010 году. Евгений Петрович был активным участником церемонии в Президиуме РАН, почетным и самым дорогим гостем на праздновании этого события в ИПБ. На моей памяти это было последнее и очень трогательное посещение им Андреевского монастыря.

МОИ ВСТРЕЧИ С АКАДЕМИКОМ Е. П. ЧЕЛЫШЕВЫМ

Впервые я познакомился с Евгением Петровичем Чельшевым в ходе конференции «Культурное наследие российской эмиграции. 1917–1940», проходившей в Москве 8–12 сентября 1993 года. Это был большой научный форум, в котором принимало участие значительное количество ученых (свыше 400!), как отечественных, так и из многих стран Европы, Азии, Африки и Америки, в том числе самих представителей (потомков) русской эмиграции «первой волны». Академик Е. П. Чельшев был одним из организаторов конференции, соредактором (вместе с директором Института российской истории РАН А. Н. Сахаровым) выпущенных в 1993 году материалов (там была опубликована концепция конференции, автором которой и был Е. П. Чельшев, и тезисы докладов отечественных ученых) и сопредседателем редакционного совета (вместе с профессором князем Д. М. Шаховским) двухтомного издания трудов конференции 1994 года.

Данная конференция имела в те годы не только научное значение, она была как бы продолжением так называемых «Конгрессов соотечественников», первый из которых, как известно, совпал с августовскими событиями 1991 года, когда в Москве впервые собрались не просто потомки эмигрантов, а сами эмигранты, родившиеся в России (я встречался с некоторыми из них, людьми весьма почтенного возраста, хорошо помнившими и 1917, и 1918–1920 годы). Так и в сентябре 1993 года (тогда в стране также назревали трагические события) из-за рубежа приехали люди, очевидно, разных взглядов и убеждений. Наверное, организовать и провести такую большую 5-дневную конференцию было непросто, но я хорошо помню, что Евгений Петрович был не просто председателем конференции — «почетный академик», а деятельный руководитель всех заседаний. В его выразительном интеллигентном облике были видны и твердые черты опытного руководителя. Я тогда, конечно, не знал, что Е. П. Чельшев, пройдя войну,

остался в армии, окончил Военный институт иностранных языков и, защитив диссертацию, служил в нем в течение ряда лет начальником кафедры, а только потом полностью перешел к научной деятельности в Институте востоковедения Академии наук¹.

Сейчас в биографиях Евгения Петровича подчеркивается, что он, признанный во всем мире индолог, давно занимался проблемами взаимосвязи и взаимодействия культур Запада и Востока, русской классики на Востоке. Эти работы были основаны на глубоком знании академиком Е. П. Челышевым российской культуры, роли ее культурного наследия в мировой культуре. Отсюда его интерес к наследию российской эмиграции, которое началось активно изучаться еще с конца 1980-х годов. В своем выступлении при открытии конференции 1993 года, которое легло в основу его предисловия к сборнику трудов, Е. П. Челышев отметил: «В рамках российской гуманитарной науки рождается новое направление — исследование культурного наследия российской эмиграции. <...> В основе научной концепции конференции лежит представление о культуре российского зарубежья как о целостном феномене, в котором органически связаны все области культуры»².

Для меня и группы моих коллег эта конференция имела особое значение. Мы представляли как бы новую историческую дисциплину — генеалогию, которая еще несколько лет назад была фактически под запретом. Конечно, для многих старинных дворянских (и не только) родов составление полных родословий было невозможно без учета родственников, оказавшихся за рубежом. Я помню, что Е. П. Челышев с особым вниманием относился к нашим докладам. И, конечно, не случайно, что сопредседателем ре-

---

¹ Также я не знал, что и мой дядя А. Г. Журавлев — известный переводчик английской художественной литературы, учился после войны в том же Военном институте, затем служил в особых отделах, а потом, как и Е. П. Челышев, уволился в запас в 1950-е годы. Иногда судьбы переплетаются самым неожиданным образом: последние годы, работая в Институте Наследия, Е. П. Челышев бывал и в этих древних палатах, где позднее и проходило заседание, посвященное его памяти. В них до 1961 года жил А. Г. Журавлев в большой семье потомков северного рода Морозовых.

² Культурное наследие российской эмиграции. 1917–1940. — М., 1994. — Т. 1. — С. 7.

дакционного совета при издании трудов конференции в 1994 году стал профессор университета г. Ренн во Франции князь Д. М. Шаховской, с которым Евгений Петрович, очевидно, был хорошо знаком, как и многие из нас (Дмитрий Михайлович ездил в Россию с 1960-х годов). Князь Д. М. Шаховской — профессиональный историк — является и профессиональным генеалогом (у нас таких тогда, естественно, не было), издавал многотомный труд «*Société et noblesse Russe*» — «Общество и дворянство Российское». Он как заместитель главного редактора пригласил Е. П. Чельшева в редколлегию начавшего издаваться в том же 1993 году научного журнала «Историческая генеалогия». Я имел честь также быть в этой редколлегии. К сожалению, это фундаментальное издание остановилось в 1995 году на № 8.

В последующие годы, работая в Институте славяноведения РАН, я хорошо знал о деятельности Е. П. Чельшева в качестве академика-секретаря Отделения литературы и языка, особенно ярко проявившейся в год празднования 200-летия со дня рождения А. С. Пушкина, но в каких-то общих мероприятиях мне участвовать не довелось. Зато я принял участие в специальной встрече с академиком Е. П. Чельшевым в здании Президиума РАН, где расположен наш Институт, на которой он рассказывал о своем участии в Великой Отечественной войне. На этой встрече, проходившей в особой теплой, доверительной атмосфере, Евгений Петрович говорил о своем боевом пути в авиации не как о каком-то подвиге (хотя, в сущности, каждый боевой вылет был подвигом), а с глубоким философским смыслом, касающимся жизни и смерти каждого человека. Он воевал стрелком-радистом, сидящим в задней части кабины пикирующего бомбардировщика. Вражеский самолет, атакующий сзади, в первую очередь стремился уничтожить этого стрелка. Уходя в бой, каждый думал, что этот бой последний. Большинство друзей старшего сержанта Чельшева погибло, а он остался жив, потому что узнали о его свободном владении немецким языком и стали использовать при допросах пленных. Этот рассказ произвел на меня глубокое впечатление.

Конечно, встречи с каждым ученым происходят и при знакомстве с его трудами, особенно, если вы работаете с ним в одной области. И некоторые труды востоковеда Е. П. Чельшева оказались для меня очень близкими. Собственно, я уже отмечал, что Евгений Петрович был блестящим знатоком русской культуры

XIX–XX веков: в 2002 году вышло его собственное исследование «Российская эмиграция: 1920–1930-е годы», а в 2012 году совместно с искусствоведом М. Ю. Коробко — книга «Усадьба Узкое и Владимир Соловьев» (я давно занимался историей владельцев этой старинной усадьбы князей Трубецких). Но академик Е. П. Чельшев успешно занимался и более ранними веками истории культуры. Цикл его статей об одном из центров русской культуры середины XVII века³ — Андреевском монастыре очень полезен для меня и моих коллег-«древников». Из них я узнал, что Евгений Петрович был еще в 1990 году инициатором реставрации зданий монастыря (стоящих рядом со зданием Президиума РАН), переданного затем Русской Православной Церкви. Расположенной теперь в монастыре Синодальной библиотекой РПЦ я пользуюсь время от времени (в здании Президиума находится и наш Институт славяноведения). Память о замечательном человеке, академике Евгении Петровиче Чельшеве запечатлена и здесь.

---

³ Последние работы Е. П. Чельшева на эту тему — «У истоков отечественного просвещения. Часть 1: Предшественники преобразовательной программы Петра»; «У истоков отечественного просвещения. Часть 2: Фёдор Михайлович Ртицев и его “Братство” в Андреевском монастыре» — вышли в 2012 году в сборнике «Пространство и Время» (№ 1 и 2).

**«ПОМОГАЙ ВСЕГДА, НЕ ВРЕДИ НИКОГДА,
ЛЮБИ ВСЕХ, СЛУЖИ ВСЕМ»:
СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ АКАДЕМИКА
ЕВГЕНИЯ ПЕТРОВИЧА ЧЕЛЫШЕВА**

Творческий путь академика РАН Евгения Петровича Чельшева многообразен и разносторонен: его таланты военного, прошедшего свой путь от рядового до подполковника, ученого-исследователя, поднявшего азы познаний труднейших индологических тем до академических высот, заботливого и вдохновляющего педагога и организатора науки, давшего путевку в профессиональную жизнь тысячам своих коллег в самом авторитетном в стране центре подготовки будущих дипломатических кадров нашей страны (МГИМО), сочетались с гением организатора на ниве международной культурной, научной, академической и общественно-политической деятельности. У него был редкий дар быстро и эффективно выстраивать продуктивные связи с представителями творческой, научной и политической элиты Индии, что порождало огромный спектр самых различных мероприятий — конференций, симпозиумов, академических, научных и творческих обменов, фестивалей, концертных выступлений артистов, деятелей культуры, книгоиздания. Близко знавшие его утверждают, что в этом он не знал себе равных в современной истории российско-индийского культурного, научно-академического сотрудничества. Его научные труды, тысячи мероприятий, проведенных им, и десятки тысяч событий, которые совершены вдохновленными его примером и активной помощью коллегами, сотворили поистине золотую эпоху культурных и общественных связей между Россией и Индией. Во многом эти связи базируются на подобных ярких примерах бескорыстного, духовно озаренного, искреннего отношения, удерживая их на должном уровне даже в суровые минуты испытаний на прочность. Титанические личности, подобные Евгению Петровичу, были и остаются направляющими и оберегающими маяками в международных отношениях нашей страны.

Охватывая творческий путь этого человека, понимаешь, что мой пример при всей своей скромности и незначительности на-

ходится в числе сотен и тысяч подобных же примеров, кому он со свойственными ему бескорыстием, верой в доброе и справедливое помог, содействовал, поддерживал, вовремя сказал свое решительное «да». При таком взгляде выявляется огромный и значимый совокупный масштаб содеянного большой вереницей такого же рода активных людей, действующих во имя развития добрососедских братских отношений между народами.

С Евгением Петровичем Чельшевым у меня было лишь заочное знакомство благодаря сложившимся добрым и плодотворным отношениям с его сыном, Дмитрием Евгеньевичем, первая встреча с которым произошла в Индии, по причине моей самостоятельной деятельности по развитию международных культурных взаимосвязей между Россией и Индией. Сейчас это можно квалифицировать общественной культурной дипломатией.

В этой связи имеет смысл кратко обрисовать предысторию этого знакомства, которая лично для меня хорошо проясняет, по-

Рис. 1. Встреча с советником по культуре посольства России в Индии Дмитрием Евгеньевичем Чельшевым (Посольство России в Индии, Дели, 2013)

чему семья академика была столь благосклонна ко мне и моим единомышленникам, поддерживая наши разнообразные мероприятия и идеи. В 2000-е годы нам удалось осуществить ряд успешных

выставочных проектов, представляющих культуру России в одном из крупных южноиндийских музеев Чайтанья Джьоти в штате Андхра-Прадеш. Количество его посетителей в год варьировалось от 2 до 5 млн. Мы начали это сотрудничество с представления двух выставок, посвященных научной деятельности краснодарских рационализаторов, изобретателей, ученых-самоучек Семена Давидовича и Валентины Хрисанфовны Кирилиан, подготовив их по личной просьбе директора музея полковника С. К. Боза. Организация этих выставок сопровождалась серьезной работой с архивными документами в течение нескольких лет. Затем мы в сотрудничестве с Российским центром науки и культуры в г. Нью-Дели (заместителем директора Марией Борисовной Павловой и сотрудником Федором Феликсовичем Павловым) при Посольстве России в Индии подготовили и предоставили для этого музея еще одну экспозицию плоттерных копий древних православных икон.

Доктором философских наук, профессором Краснодарского государственного университета культуры и искусств (КГУКИ) Борисом Петровичем Борисовым и мною при организационном участии профессоров из Хайдерабадского федерального университета (Прабхакара Рао, Пратима Деви, С. Г. Кулькарни и др.), а также при непосредственном участии посольств Индии в России и России в Индии были организованы и проведены две научные российско-индийские конференции в Краснодаре (2011) и с участием Института стран Азии и Африки при МГУ в Хайдерабаде (2012). В качестве дипломатических представителей от индийской стороны на конференции в Краснодаре был первый секретарь Посольства Индии в России и директор Индийского культурного центра г-н Аншуман. От имени российской дипмиссии на конференции в Хайдерабаде были генеральный консул России в Ченнаи Николай Александрович Листопадов и старший советник российского Посольства в Дели Сергей Витальевич Кармалито.

Все это вдохновило нас на открытие в КГУКИ при Центре гуманитарных исследований, возглавляемом проф. Б. П. Борисовым, Центра изучения индийской философии и культуры, которым мне довелось руководить. В Хайдерабаде по итогам конференции было объявлено о намерении создать и российско-индийский центр по межвузовскому взаимодействию, что говорило о заинтересованности индийской стороны во всемерном развитии академических и научных контактов с Россией.

Рис. 2–3. Российско-индийские научные конференции
«Индийские истоки мировой культуры» (Краснодар, 2011)
и «India: Traditional and Modern» (Хайдерабад, 2012)

Были, конечно, и другие полезные встречи, мероприятия, конференции, проведенные с нашим участием. Все это в совокупности и послужило основой нашего знакомства и дальнейшего плодотворного сотрудничества с рядом сотрудников Россотрудничества и Индийского совета по культурным связям (ICCR) (Российского центра науки и культуры при дипмиссии в Дели и Индийского культурного центра имени Дж. Неру при Посольстве Индии в России в Москве), индийских и российских дипломатов, в том числе и с Дмитрием Евгеньевичем Чельшевым, в то время занимавшим пост советника по культуре Посольства РФ в Индии.

С легкой руки и при активном содействии индийской стороны (в частности, Евгения Петровича, Посла Индии в России г-на Аджая Мальхотры (ныне председателя Консультативного комитета Совета Организации Объединенных Наций по правам человека в Женеве), зам. директора Индийского культурного центра имени Дж. Неру в Москве г-на Санджая Веди (ныне директора Индийского культурного центра при Посольстве Республики Индия в Республике Казахстан)) и российской стороны (в частности, Евгения Петровича, Посла Российской Федерации в Республике Индия Александра Михайловича Кадакина, Дмитрия Евгеньевича Чельшева, сменившей его на посту советника по культуре Наны Михайловны Мгеладзе) был осуществлен целый веер разноплановых культурных проектов.

В Краснодар при нашем активном организационном участии приезжали индийские профессора Хайдерабадского федерального университета (Прабхакара Рао, Нитьянандам Крупанандам, С. Б. Варма), Национального открытого университета имени

Рис. 4–5. Лекции проф. Капила Кумара (Дели) в Краснодарском государственном историко-археологическом музее-заповеднике имени Е. Д. Фелицына и КГУКИ (2012)

И. Ганди (IGNOU) (Капил Кумар), директор Центра за этику и ценности, ведущие к трансформации, Массачусетского Технологического института (США) Тензин Приядарши (Индия), российский буддолог из Института востоковедения при РАН Е. В. Леонтьева, известный индийский деятель культуры и искусств преподаватель таблы Бадри Нараян Пандит и др. с лекциями, концертами и мастер-классами, которые проводились на разных площадках КГУКИ, Кубанского государственного университета (КубГУ), Краснодарского историко-археологического музея-заповедника имени Е. Д. Фелицына, консерватории при КГУКИ, Южного филиала Российского института культурологии и, после реорганизации, Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва.

Нами были организованы две специальные встречи Евгения Петровича с Послом Республики Индия в России г-ном А. Маль-

Рис. 6–7. Встреча с послом Республики Индия в России в Краснодаре (16.05.2013)

хотрой во время его официального визита в Краснодар (15–17 мая 2013 года).

Были также проведены несколько выставок оригинальных художественных полотен и их плоттерных копий с участием художников из пяти стран СНГ и Индии под общим названием «Духовная культура Индии и России в творчестве современных художников», большие культурные программы профессиональных российских артистов в Краснодаре, в Посольстве Индии в Москве, в южноиндийском музее Чайтанья Джьоти.

Рис. 8–9. Открытие выставки оригинальных художественных полотен «Духовная культура Индии и России в творчестве современных художников» (Посольство Республики Индия в России, Москва, 2013)

Все наши мероприятия широко освещались в различных российских СМИ, включая печатные органы, телевидение и радио, в том числе и вещающие на страны Центральной Азии и Индии. Та же картина наблюдалась и в Индии.

Благодаря нашим совместным усилиям были трижды отправлены в Индию казачьи творческие коллективы из Краснодара («Станица» и «Славица») с полноценными культурными вокально-хореографическими программами. Казаки выступали на творческих площадках Нью-Дели, штата Харьяны и Мумбаи, а также в гималайском предгорье в г. Куллу и Наггар-Куллу, где находится всемирно известный дом-музей семьи Рерихов.

Проводя параллель с известными событиями конца XVIII века, можно сказать, что поход казаков в Индию затянулся более чем на двести лет, когда они с оружием в руках отправились, было, в Индию, но были остановлены в связи с кончиной императора Павла I. Наши казаки все-таки Индии достигли, но

только вооружены они уже были другим оружием — оружием культурного мастерства, завораживающего и пленяющего сердца и души людей. При этом немаловажно отметить, что первое приглашение посетить Индию с концертными программами казаки получили именно от индийской стороны, предоставившей им полный пансион, включая и оплату дороги. В этом есть особый символизм, важный в деле выстраивания отношений между странами, дающий ключ для достижения успеха в них: мы можем по-настоящему покорить друг друга только культурными достижениями, сердечным отношением, взаимопомощью и взаимовыгодным сотрудничеством. Впервые в истории наших народов казаки выступили с творческой программой во время своего второго посещения Индии в 2014 году и в индийских Гималаях, в Наггаре и Наггар-Куллу северо-индийского штата Химачал Прадеш. Это историческое событие стало возможным именно по личной инициативе и при руководстве Д. Е. Челышева. Третья поездка казачьих коллективов также стала возможна при его самом непосредственном участии, хотя за программу их пребывания в Индии уже отвечала только что вступившая в должность советника по культуре Н. М. Мгеладзе.

Рис. 10. Вокально-хореографический коллектив «Станица» (Краснодар) в Индии (2013)

Результатом этих культурных поездок стало появление и закрепление в хореографическом репертуаре казачьих коллективов и индийских танцев, которые с тех пор стали исполняться ими на фестивалях разных стран. Собственно, целью таких мероприятий как раз и было взаимообогащение национальных культур народов России и Индии.

Знакомство с Дмитрием Евгеньевичем Чельшевым произошло при содействии в то время президента Ассоциации российско-индийских молодежных клубов, ныне президента международного форума стран БРИКС г-жи Пурнимы Ананд. С ней я был знаком уже несколько лет до этого именно благодаря своей активности в деле развития культурных взаимоотношений между нашими странами. С самой первой встречи с Дмитрием Евгеньевичем я увидел в нем родственную душу, единомышленника, стоящего на аналогичных позициях в деле развития международного культурного сотрудничества России. Наверное, это было взаимно. Потому что результатом этого знакомства стали успешно осуществленные проекты в России и Индии.

В этой связи можно также привести пример, связанный с деятельностью московского театрального коллектива «Авторское театральное объединение» под руководством режиссера Юлии Мехтиевой. В 2015 году она представила свою культурно-образовательную программу «Солнце из Индии!» на 23-й Международной театральной олимпиаде «Международный фестиваль Индии» (Каттак, Орисса), а также при содействии дипломатов Наны Михайловны Мгеладзе и Юлии Евгеньевны Аряевой и в Российском центре культуры и науки (РЦНК) при Посольстве России в Индии в Нью-Дели. Этим сплоченным коллективом были даны мастер-классы в крупнейшем колледже искусств северной Индии Сатьюг Даршан Видьялая (Фаридабад, Харьяна, Индия). По итогам этой поездки «Авторское театральное объединение» запустило первый уникальный совместный российско-индийский театральный проект «Больше, чем мечта» с южноиндийским театром Combines Team под руководством режиссера Джафиндаса Савидаса из Тривандрума, штата Керала Южной Индии. Это была совместная театральная постановка. Данный проект организационно поддерживался Международной Федерацией молодежных клубов России и Индии (Нью-Дели, Индия), РЦНК (Нью-Дели и Тривандрум, Индия), Посольством России в Индии, Южным

филиалом Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва (Краснодар, Россия). К сожалению, из-за болезни и преждевременной кончины московского режиссера Юлии Мехтиевой (2020) эта смелая и оригинальная идея не дошла до своего логического завершения, хотя уже строились планы о показе готового спектакля на театральных сценах ряда городов Индии и России.

Рис. 11. Коллектив Авторского театрального объединения в Индии (Дели, 2015)

Во всех своих проектах мы получали неизменную поддержку со стороны семьи Чельшевых. Многие инициативы без их поддержки так и остались бы неосуществленными.

Нами вынашивались дальнейшие планы на проведение новых российско-индийских конференций с разными учебными заведениями Индии. Благодаря поддержке посольств мы встречали неизменную готовность участвовать в наших проектах со стороны руководств университетов в разных штатах Индии, с которыми мне довелось контактировать (Центральный университет Ревы (Мадья Прадеш), Институт Шрикантх Шарамы Махарши Садафалдео Ашрама (Аллахабад, Уттар-Прадеш), Университет Шри Сатья Саи (Путтапарати, Андхра Прадеш), Национальный открытый университет имени И. Ганди (Дели), Университет имени Дж. Неру (Дели), Хайдерабадский федеральный университет и др.).

Рис. 12–13. Встреча с ректором Университета в Реве. Встреча с раджей Мадхья-Прадеш (г. Рева, штат Мадхья-Прадеш, Восточная Индия)

Были встречи с духовными лидерами, рядом политических деятелей Индии, раджами Дели и Мадхья Прадеш. Везде мы получали слова одобрения наших усилий и выражения готовности участвовать в новых проектах. Даже была достигнута договоренность с директором государственного банка Punjab and Sind Bank о финансовой поддержке наших совместных российско-индийских проектов в сфере культуры, науки и образования. Открывались блестящие перспективы по развитию взаимных обменов студентов, аспирантов, стажировкам преподавателей, обучению. Между Евгением Петровичем, Послом Индии в России и мэрией г. Краснодара была достигнута договоренность о побратимстве с одним из индийских мегаполисов. От индийского посольства в дар Краснодару был предложен бронзовый памятник в полный рост всемирно известного индийского духовного деятеля, философа Вивекананды. К сожалению, дипломатических и наших усилий оказалось недостаточно, чтобы преодолеть косность тогдашнего руководства Краснодарского края, Краснодара, КГУКИ для успешной реализации проектов. Но наши усилия не остались безрезультатны. Благодаря им мы поддерживаем тесные взаимосвязи с индийской профессурой, дипломатическим корпусом Индии, российскими дипломатами и готовы активно развивать наши отношения и дальше.

С самого начала основания научного электронного журнала «Наследие веков» Южного филиала Института Наследия академик Евгений Петрович Чельшев, сразу отозвавшись на нашу просьбу, стал членом его редакционного совета, чем оказал значительную поддержку только что образованному научному изданию (индексируемому в системе РИНЦ, сейчас входящему в перечень

ВАК). Один из материалов в его первом номере был посвящен самому академику¹.

Рис. 14–15. Об академике Е. П. Чельшеве – в журнале «Наследие веков» (2015, № 1)

В первом номере журнала «Наследие веков» в 2021 году была опубликована большая оригинальная работа Дмитрия Евгеньевича о путешествии купца Афанасия Никитина в Индию, об удивительной истории открытия пока единственного памятника нашему знаменитому соотечественнику в г. Ревданда на юго-западном побережье Индии². Дмитрий Евгеньевич был руководителем и вдохновителем этого проекта, занимая тогда должность директора Российского центра науки и культуры в г. Мумбаи,

¹ К юбилею Великой Победы [Текст: электронный] // Наследие веков. – № 1. – 2015. – С. 149–150. – URL: <http://heritage-magazine.com/index.php/HC/issue/view/5/12> (дата обращения: 03.10.2022).

² Чельшев Д. Е. Афанасий Никитин в Индии: историческая ретроспектива легендарного путешествия [Текст: электронный] // Наследие веков. – № 1. – 2021. – С. 33–54. – doi.org/10.36343/SB.2021.25.1.002. – URL: <http://heritage-magazine.com/index.php/HC/article/view/422> (дата обращения: 03.10.2022).

заместителя представителя Росзарубежцентра в Индии. Он впервые подробно описал эту историю в нашем научном журнале.

ЧЕЛЫШЕВА, Дмитрий Евгеньевич
 кандидат исторических наук,
 научный исследователь
 Москва, Российская Федерация
 E-mail: d.chelysheva@mail.ru
 Сайт: EOL (Eurasian History),
 Информационный ресурс:
 Москва: Russia Information,
 dr_chelysheva@mail.ru

**Афанасий Никитин в Индии:
 историческая ретроспектива
 легендарного путешествия**

**Ananias Nikitine in India:
 A Historical Retrospective
 of the Legendary Journey**

УДК: [223.228.02-992]-725:94470-540/34/-/ ГРНТИ: 23.17.00 ВАК: 24.00.01

DOI: 10.36343/SB.2021.25.1.002

В статье описано историческое значение путешествия тюркского купца Афанасия Никитина в аспекте его влияния на последующее развитие культурных контактов между Россией и Индией, а также выявлены ряд обстоятельств, связанных с деятельностью в Индии единственного легендарного путешественника. Проанализирован текст литературного памятника XV в. «Хождение за три моря», исследованы его особенности, выявлены индийские и российские источники, редкие значимые источники. Подчеркивается историческая ценность путевых заметок А. Никитина как единственного свидетельства о реальном жизни индийского общества в государстве Византизма, что позволило автору обоснованно заявить ряд корректив в исторические данные. Подчеркнута кратко концепция ориентализма в оценке значимости и мотивов деятельности единственного российского путешественника и исследователя Востока. Сохранение памятника А. Никитину в 2001 г. трактуется как событие, предвещающее новую волну развития и расширения российско-индийского сотрудничества.

Ключевые слова: Афанасий Никитин, И. П. Миклаев, «Хождение за три моря», государство Византизма, Индия, ориентализм, культура, купцы.

В этом году исполняется 20 лет со дня трагического открытия в Индии первого и пока единственного в рубрике памятника русской первооткрывателю — путешественнику Афанасию Никитину. Тому же хронология его

знаменитого «Хождения за три моря» пережить невозможно. С учетом работы дат, при видных различиях исследователям, считается, что он совершил его в период с 1466 по 1472 г. Цель данной статьи заключена

33 www.heritage-magazine.ru **наследие веков** 2021 № 1

2. С. Чельшева — афанасий никитин в индии историческая ретроспектива

Предварительный проект был уже рассмотрен и с допустимыми в Тверской области. Остальное — вопросы по уточнению состава делегации для участия в мероприятии. Ключевым делом в реализации этого проекта на его этапе (партнер по инициативе губернатора Тверской области Ольга Иванкина — Пашинская). Вот развилась по инициативе главы: была определена дата торжественной церемонии. Тверская делегация получила билеты на самолет и для нее были забронированы места в той самой исторической гостинице «Тадж Махал». Приглашение получило членом российской делегации, при-

Рис. 2. Дмитрий РИМК Дмитрий Чельшева подписывает акты Делегации Тверской области под председательством подполковника (Федор И. Чельшевич)

бывшие в Мумбаи для участия в торжествах, посвященных 100-летию первой российской дипломатии. После РФ в Нью-Дели и других городах государства. Вид даже зафиксирован специальный прогностический маршрут для отправки делегации в Ашрабат, который в виду многократного изменения даты, который, кураторами по Тену или Мумбаи в конце XIX в.

Мета-расстояние между центральной, северной частью Мумбаи и Ашрабатом по прямой всего около 130 км, добраться туда отсюда не просто. Перед вылетом на полуостров, отдаленный от материковой части и дистрикта Ашрабат утонул авиационной катастрофы. Путь туда на прогностический маршрут составляет около часа. Затем от Мумбаи до Мумбаи Пашинская будет проходить еще около 20 км по дороге. В итоге от места до места можно добраться 1,5–2 часа.

Рис. 4. Делегация Тверской области встречается с главными представителями компании Мумбаишрифт В. Джамшиди (Федор И. Чельшевич)

1 На этапе отправки и открытия памятного сооружения в 2001 г. Пашинская получила уже должность главы делегации турфирмы.

47 www.heritage-magazine.ru **наследие веков** 2021 № 1

Рис. 16–17. Статья Д. Е. Чельшева об А. Никитине в журнале «Наследие веков» (2021, № 1)

В этом же номере мы поместили и большую статью на английском языке по истории российско-индийских культурных взаимосвязей, написанной нами в соавторстве с общей давней знакомой, коллегой Пурнимой Ананд из Дели³. В наших изданиях были опубликованы и многие другие материалы российских и индийских авторов, посвященные индийской культуре и российско-индийскому взаимодействию.

Академик Евгений Петрович с Дмитрием Евгеньевичем поддерживали и наш проект экспедиции в Индию и Непал, который разрабатывался под эгидой Русского географического общества и включал в себя организацию пленэра известного горного красно-

³ Anand P., Bychkova O. I., Gutsalov A. A. Cultural Interaction between Russia and India: Historical Experience and Current State [Electronic Resource] // Наследие веков. — № 1. — 2021. — С. 14–32. — DOI: 10.36343/SB.2021.25.1.001. — URL: <http://heritage-magazine.ru/index.php/HC/article/view/431/340> (Accessed: 03.10.2022).

дарского художника Сергея Дудко в Непале и Индии ради завершения серии его картин всех горных вершин высотой более восьми тысяч метров над уровнем моря с целью последующей подачи заявки для включения его в книгу рекордов Гиннеса. Параллельно этому планировались проведение в Индии культурологического исследования с повторным прохождением маршрутов, которые в свое время прошли художник Василий Верещагин, будущий император России цесаревич Николай Александрович, а также подготовка и переиздание с подробными научными комментариями современных специалистов по Востоку, в том числе и по Индии, трехтомника князя Эспера Эсперовича Ухтомского «Путешествие на Восток Его Императорского Высочества Государя Наследника Цесаревича», вышедшего в печать в 1893–1897 годах⁴. Первый том этого издания был посвящен поездке цесаревича в Восточную и Южную Европу, Египет и Индию. В советское время эта книга не переиздавалась и всячески замалчивалась. Она была переиздана репринтом и малым тиражом в 2010 году, фактически сразу же став библиографической редкостью. В 2016 году книга была издана со значительными сокращениями в издательстве «Эксмо» и также быстро была распродана. Академик Е. П. Челышев публично в Институте Наследия в Москве поддержал нашу идею научного переиздания данной книги. Этот высокопрофессиональный труд конца XIX века еще ждет своего переиздания с выверенными примечаниями и дополнениями, которые бы позволили современному читателю более глубоко и правильно воспринять этот замечательный текст.

Даже в почтенном возрасте академик был молод душой, светел, смел и всегда был настроен на поддержку всего, что всячески способствует развитию культуры, образованию и науки, творческому горению в людях на благо миру. Такое потрясающее отношение к инициативам даже заочных своих знакомых лично мною неуклонно воспринималось тогда и воспринимается сейчас с чувством искренней глубочайшей благодарности как добрый урок, как самое настоящее напутствие и благословение, как яркий достойный пример.

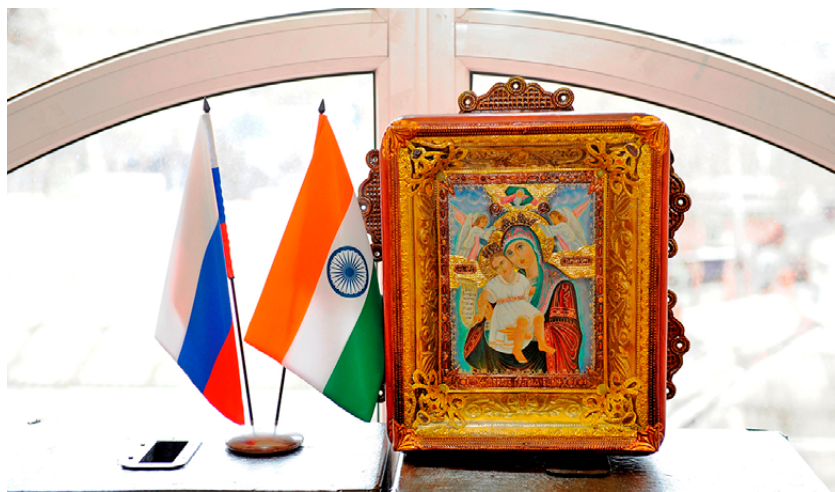
---

⁴ *Ухтомский Э. Э.* Путешествие на Восток Его Императорского Высочества государя наследника цесаревича, 1890–1891 : в 3 т., 6 ч. — СПб. ; Лейпциг : Ф. А. Брокгауз, 1893–1897.

Это перечисление некоторой части реализованных и нереализованных наших проектов с опосредованным и непосредственным участием семьи Челышевых и лиц, с которыми мы познакомились благодаря ей, призвано подчеркнуть огромную значимость единения духовно озаренных людей. Любая поддержка в бескорыстных проектах, направленных на развитие добрых, дружеских отношений между странами и народами, со стороны авторитетных лиц может оказаться решающей. В российской и индийской дипломатической и академической среде мы встречали неизменную готовность принимать участие, помогать, содействовать, развивать.

За каждым успешно реализованным делом всегда открывались новые перспективы, череда новых творческих проектов. Один из самых свежих примеров этого: 4 октября 2022 года в Краснодаре открылась выставка картин члена Союза художников России Татьяны Роенко, несколько лет назад принявшей участие в международном пленэре в Индии и затем создавшей большую индийскую серию работ именно будучи вдохновленной нашими прежними проектами при поддержке российских и индийских дипломатов. Так, незаметно распространяются новые творческие волны, источником которых были вовремя оказанная поддержка, доброе папутьствие, действенная помощь именитых персон. Как

Рис. 18. Образ Пресвятой Богородицы «Достоинно есть», российский и индийский национальные флаги. 16 мая 2013 г.

важно быть чутким в сфере культуры и межкультурных связей, вовремя протянуть руку помощи, поддержать. И тогда даже небольшая помощь оказывается источником многих последующих малых и великих дел, вдохновляя других на новые свершения. Евгений Петрович Челышев, его сын Дмитрий Евгеньевич и все дипломаты, с которыми мы познакомились благодаря им, проявляли такую чуткость и внимание, чем всячески способствовали продвижению плодотворных идей.

У меня сложилось такое впечатление об этом человеке и членах его семьи: они ведомы тем светлым духом, что поддерживает любые добрые созидательные начинания, от кого бы они ни исходили. Можно сказать, что академик был персонификацией древних ведических правил: помогай всегда, не вреди никогда, люби всех, служи всем. Его светлый образ выступал и продолжает выступать вдохновенным и вдохновляющим примером.

Завершу свой материал глубоко почтительным «намаскаром⁵» в адрес светлой памяти академика Евгения Петровича Челышева, а также самыми добрыми и светлыми пожеланиями всяческого успеха и благоденствия его потомкам.

---

⁵ Характерный индийский приветственный жест в виде прижатых к груди сложенных вместе ладоней, сопровождающий устное приветствие другого («намасте!») с глубоким духовным смыслом.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Алпатов Владимир Михайлович, академик РАН, доктор филологических наук.

Банерджи Ранджана, профессор Центра русских исследований Университета имени Джавахарлала Неру (Индия).

Гуцалов Александр Анатольевич, кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник — руководитель отдела комплексных проблем изучения культуры Южного филиала Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва.

Житенёв Сергей Юрьевич, кандидат культурологии, советник директора Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва.

Закатов Александр Николаевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, философии и социальных наук Московского государственного университета геодезии и картографии; директор Канцелярии главы Российского императорского дома.

Козырев Алексей Павлович, кандидат философских наук, и. о. декана философского факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, доцент кафедры истории русской философии, член Совета при Президенте РФ по взаимодействию с религиозными объединениями.

Морозов Борис Николаевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН.

Романова Дарья Яковлевна, кандидат культурологии, старший научный сотрудник Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва, автор и куратор проекта «Живое наследие памяти».

Романова Наталья Геннадиевна, заместитель директора по науке Института востоковедения РАН, кандидат исторических наук.

Протоиерей Александр Троицкий, директор Синодальной библиотеки Русской Православной Церкви.

Тишков Валерий Александрович, академик РАН, доктор исторических наук.

Чельшев Дмитрий Евгеньевич, кандидат исторических наук, журналист-международник, индолог.

Научное издание

**ЖИВОЕ НАСЛЕДИЕ ПАМЯТИ:
к 300-летию РАН
и 100-летию академика Е. П. Чельшева**

Дизайн обложки: *М. Ю. Маяков*

Корректурa: *И. А. Птицын*

Компьютерная верстка: *О.В. Ключенкова*

Российский научно-исследовательский институт культурного
и природного наследия имени Д. С. Лихачёва
129366, Москва, ул. Космонавтов, 2
E-mail: info@heritage-institute.ru